

ДМИТРИЙ РУЗАНОВ

ВЫРОДОК
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Дмитрий Рузанов

Выродок. Часть первая

«Автор»

2017

Рузанов Д. Л.

Выродок. Часть первая / Д. Л. Рузанов — «Автор», 2017

"Даже выродки имеют право быть хоть кем-то любимыми!" Но что делать, если тебя предали с самого рождения? Путь от рабыни до великого воина можно пройти. Главное верить в себя и тех, кто рядом.

© Рузанов Д. Л., 2017

© Автор, 2017

ВЫРОДОК – тот, кто обладает врожденными свойствами, резко выделяющими его среди окружающих (Современный толковый словарь русского языка Ефремовой)

ПРОЛОГ

«Погибель-название многолетней войны, которую вёл Властитель на северных землях Обители. Поводом стали набеги неизвестных племён на приграничные поселения государства. Редкие поначалу, они стали принимать массовый характер, а воинов противника и люд, примыкавший к ним, в народе стали называть «гиблыми». Война длилась около пяти лет, и закончилась полным разгромом армий врага...», – юноша ещё раз прочитал строчки летописи и поймал себя на мысли, что потихонечку тупеет. В читальне замка было тихо, лишь потрескивали дрова в очаге, да время от времени, откуда– то доносились приглушённые взрывы хохота. Шла возвратная седмица, в замке всю готовились к торжествам, а он сидел и зубрил урок, которым достопочтенный наставник Абут озадачил своего не слишком прилежного ученика.

– Стыдно, джужочек мой, до такой степени не знать теогии, – передразнил юноша отсутствующего наставника. – Ты должен уметь поддегжать беседу с любым из пгисутствующих на тогжественных пгиймах... Ага, как же, все эти расфуфыры только и будут ждать момента, чтобы выскочить прямо перед носом и огорошить вопросом о событиях почти трёхлетней давности. И что им рассказывать? Что Погибель сделала его сиротой? Или про то, как тётка тащила их с братом лесными тропами, хоронясь от эльфийских застав? Так им на это наплевать. Никто и слушать не будет, расфуфырам это неинтересно, им гораздо занятнее перемалывать сплетни, которыми всегда полон двор Властителя.

Он так и заявил наставнику, отчего и сидел теперь в читальне, заучивая наизусть «Краткую толковальную летопись». Десять страниц... целых десять страниц, написанного убористым почерком текста, ... да ещё и сотворение героики – хвалительного сочинения о деяниях знатной особы, желательно из семьи государя. Вспомнив об этом, юноша расстроился окончательно и даже подозрительно хлюпнул носом, но сумел побороть минутную слабость. Душу немного грело, лишь воспоминание о сборах наставника в дорогу. На все праздники тот укатил к своей невесте, страшно волновался – даже картавил больше обычного и, как должное, принял предложение ученика оказать любимому наставнику посильную помощь... Если бы Абут вспомнил, что значительную часть своих лет воспитанник провёл на реке, он бы более насторожено отнёсся к неожиданной подмоге. Юноша хохотнул... Ну, казалось бы, чем грозит пергаментный лист, в который наставник бережно заворачивал знатный ломоть копчёного бельского пая – речной промысловой рыбы, чьё мясо высоко ценилось среди гурманов? Ну не подсказал ученик учителю, что пай не терпит пергамента и сохранить его можно только в хорошо промасленной ткани. В любой другой упаковке, рыба начинала «плыть», превращаясь в желеобразное дурно пахнущее месиво. Невеста Абута отродясь, поди, не видела такой тухлятинки, ... мальчик опять прыснул. Но взгляд, брошенный на кипу книг, снова привёл его в уныние. Судя по нудному толкованию летописей и восторженным речам наставника, всем этим властителям, их наследникам и куче родни приписывали множество всевозможных подвигов и судьбоносных государственных решений. Выбор был велик, желания писать не было!

Наказанный подошёл к стрельчатому окну, из которого в комнату падал рассеянный свет зимнего дня. По двору сновали слуги, занятые повседневными делами, у кухни с телег разгружали бочки с хмельным, несколько стражей устроили шуточное побоище, пугая взвизгивающих служанок – всё было как обычно, и вместе с тем в воздухе ощущалась непередаваемая атмосфера грядущего торжества. Даже видневшиеся из окна городские башенки, украсили свои шпили вяло полощущимися разноцветными флагами. Тоска возникла откуда-то изнутри и, прислонившись лбом к стеклу, юноша стал пальцем выводить на окне бессмысленные узоры. Загрохотала решётка у въездных ворот, прибывший всадник, стал разъясняться с замковой

охраной. Всё это повторялось изо дня в день, все знали, чем им заняться, и никому не было дела до одинокого воспитанника занудного Абуа. А как бы хотелось спуститься во двор, вдруг этот всадник привёз весточку от друзей из Абелина, южного города, ставшего для юноши родным...

Наконец старший из стражей махнул рукой, а другие, привычно закрутили ворот, опять закрывая проезд. Верховой тронулся было в направлении замковых казарм, но неожиданно поднял голову, посмотрел прямо в окно читальни и приветственно взмахнул рукой. Вдавлив лицо в стрельчатый переплёт, унимая бешеный стук сердца в груди, юноша замахал в ответ и даже что-то радостно крикнул. Отскочив на середину комнаты, он огляделся по сторонам, схватил стопку тяжёлых томов и, напрягая все силы, подкинул их в воздух. Вылетевшие из книг листы, закружились вокруг него, падая на пол и перепутываясь между собой. Что бы восстановить порядок страниц потребовался бы не один день кропотливого труда, но юноше было всё равно. Сейчас он выскочит из читальни и со всех ног побежит навстречу приехавшему, что бы прижавшись к груди опять услышать сказанное тепло и с любовью: – Знаешь ведь, терпеть не могу зарёванных зазывал... Его взгляд на мгновение остановился на чистых свитках и тонком писале, выданных ему наставником...

– Хорошо Абуа. Ты просишь сотворить героиню... – он ещё раз глянул в сторону окна и улыбнулся. – Героиня будет написана ... и клянусь самым дорогим, что есть у меня, ты горько пожалеешь, если она тебе не понравится!

Рванув на себя тяжёлую дверь, юноша буквально выпрыгнул из читальни и стук его каблуков, уже через минуту, затерялся в широких замковых галереях.

ЗАВОДЬ

Откуда она взялась, с какой стороны Обители её принесло к мощным стенам Абелина, в городе никто не знал. Да и выяснять никому бы в голову не пришло – Абелин был своеобразными воротами страны, пути из которых, лежали во все изведанные земли. Поторговавшись с разнеженными и слегка хмельными стражами у городских ворот, пришлая заплатила полтолля вместо положенной малой толики и этой взяткой отвела глаза охранников, как от себя, так и от своих пожитков. Смешавшись с галдящей толпой, она, нигде не останавливаясь, прошла через извилистые улочки предместья, затем вдоль длиннющего каменного забора, скрывающего за собой дома Мастеровой доли. Постепенно её спутники разбрелись по своим делам, приведшим их в город, но путешественницу это как будто вполне устраивало. Мало того, она даже приотстала от вереницы гружёных повозок, за которой шла всё это время и свернула на узкую улочку, огибавшую открывавшееся впереди шумное торговище. Перейдя через несколько горбатых мостов и мостиков, перекинутых через когда-то вырытые оттоки и каналы, она долго петляла по извилистым проулкам, пока не вышла к тенистым аллеям Главной Доли. Но и здесь путница задерживаться не желала. Её не заставили остановиться ни вид исполинской башни вильета Абелина, ни затейливые фонтаны на Соборном спуске, который вёл к роскошным дворцам Верхних – фаворитов и советчиков градоправителя. И, тем не менее, невольно ей в глаза бросалось то, что город выставлял напоказ, а порой и сокрытое от любопытных взглядов – славный Абелин предстал перед путешественниками таким, каким его хотели видеть. Величавые дома, украшенные искусным орнаментом, неохватные взглядом крикливые и разноцветные торговища, соседствовали с кучами мусора и стайками чумазой ребятни, одетых в немыслимые лохмотья. Некоторые из них порой бежали за пришлой, кланча нехитрую подачку, встречные исподтишка поглядывали ей вслед, но она не обращала внимания на попрошайек и любопытных. Запыленная накидка с глубоким наголовником, не позволяла рассмотреть её внешность, а усталый мул, тащивший повозку с пожитками, был обычной принадлежностью странствующих по дорогам Обители.

Так, сторонясь многолюдных улиц и посторонних глаз, она прошла через весь город, пока ее глазам не открылись могучие воды Вечной Бели, реки-кормилицы Абелина. Стоящие у при-

станей корабли вываливали из своих трюмов различные грузы и принимали на борт пассажиров, на реке сновало множество лодок, барж и баркасов, против головного причала разворачивалась огромная ладья, а на берегу... да чего тут только не было! Многочисленные постройки создавали неповторимый узор, состоящий из путаницы задворок и тупичков, повсюду вились дымки кашеварен, чьи гостевые шесты с разноцветными вымпелами соперничали с лесом мачт у берега. Разбросанные тут и там стихийные торговщица предлагали всевозможные товары, бродячие показушки демонстрировали свое умение на потеху толпе и над всем этим царил неумолимый гвалт, состоящий из ругани, стука молотков, скрипа колес и криков зазывал и надсмотрщиков. Всё это порядком взволновало мула странницы. Подёргав головой и переступив с ноги на ногу, он с огромным усердием влил в эту звуковую какофонию посильную лепту.

– Уймись, мы ещё не на месте и никто не знает, как нас здесь примут... – слова хозяйки подкрепились возникшим перед его мордой кулаком с зажатым кнутовищем.

Мул попятился, хотя прекрасно знал, что наказывать плетью его не будут – ему было достаточно строгого голоса – но показать лишний раз свой испуг не мешало. Похлопав животное по шее, путница направилась вниз в самую гущу снующего люда. Дорога – единая вначале – постоянно дробилась от неё отходили другие, ведущие к разным пристаням. Идти было непросто, но теперь, когда цель путешественницы была близка, она не собиралась никому уступать, упрямо продвигаясь вперед. Странница проходила вдоль площадок с вереницами невольников угрюмо ждущих покупателей, вразрез галдящим ватагам мастеровых направляющихся к доскам с предложениями работы, обгоняла стражей, плетущихся рядом с охраняемым грузом. Навстречу ей бесчисленные повозки тащились в город и чего только они не везли. Лес и ткани, провиант и фураж, доспехи и оружие – городу нужно было всё: Абелин начался отсюда, отсюда он рос, пока не превратился в некоронованную столицу Южных провинций Обители.

По принятому много лет назад закону, пристани не относились ни к одной городской доле. Считалось, правда, что они принадлежат вильету Абелина и у каждой был номинальный владелец из числа Верхних. Но правила и уговоры, царившие здесь, редко соответствовали общепринятым законам и не поддавались никаким меркам. Поэтому как не старались иные Верхние расширить свое влияние и подчинить себе хоть какую-то часть приречников, ничего у них не получалось. Споры и толки о том, кому и как кормиться от реки, заводили присланных ими законников в такие дебри, что те бежали от пристаней совершенно обалделыми и с самой страшной клятвой никогда больше не соваться обратно. Может ещё и поэтому приречники прозвали это место Заводью. Заводь охотно принимала пришлых, но не все они горели желанием осесть тут надолго. Здесь могли укрыть сбежавшего невольника и продать соседа в рабство за долги, помочь за небольшую плату найти место на баркасе, а ночью, в ближайшей кашеварне, проиграть этот баркас первому попавшемуся проходимцу, и пассажир оставался на берегу без денег и пожитков. Но отказа или выдачи Заводь не признавала. Чужака могли изгнать, и то лишь после того, как убеждались в его полной никчемности или в наущничестве кому-то из Верхних. И, тем не менее, здесь царил определенный порядок, за которым следили и оберегали по мере сил и возможностей. К этому-то местечку и направилась путница, временами останавливаясь, пропуская телеги и вереницы тех, кто спешил покинуть Абелин или только прибывал в город.

Грошик уныло сидел на деревянном столбике, изредка покачивая ногами. Столб был его, – он принадлежал ему по праву зазывалы кашеварни Одноухого Касама и достался ему по наследству от старшего брата, впрочем, как и прозвище. Если старшего зовут Грош, кем еще можно стать? Только Грошиком. Свое настоящее имя, как и отца с матерью мальчик вспоминал все реже. Родители исчезли еще при первых набегах гиблых на северные поселения, в числе которых оказалась и их деревня. Жившая с ними отцова сестра-бобылка, спасла братьев, укрывшись с ними в лесу, и сумела пробраться чащобными тропами на Большак, соединяющий

северные города с южными землями Обители. Всех тягот того пути не помнила даже тётка, но они выдержали и пришли в Абелин вместе с первыми беженцами от разгорающейся Погибели.

В ту пору ещё довольно легко можно было обустроиться у пристаней. Тетка, недолго помыкавшись, нанялась в кашеварню Касама убирать комнаты постояльцев, брат стал в ней зазывалой. Вместо оплаты варщик предоставил им комнату да кормежку. Постояльцы порой давали непрошеную денежку, Грош приносил то, чем награждали зазванные, в общем, жизнь казалась вполне сносной. Грошик (наречённый в младенчестве Риммом), помогал тётке, порой извлекая из своих посещений гостей кашеварни определенную выгоду. У заезжего торговца, прожившего у Касама несколько седмиц, мальчишка уразумел основы счета и письма, не совсем ещё спившийся бывший кормчий рассказывал ему о странах и городах, в которых ему удалось побывать. Лоэ – таинственная твердыня Призрачного архипелага, невольничьи рынки Коррора, заснеженные кручи Безликой Громады, леса и степи Ближнего и Дальнего Заречья – где только не потаскало старого пропойцу. Подружившись с местными подростками, Грошик натаскался в драках, мог стянуть незаметно ломоть свежего пышника у кухарки и научился плавать как рыба. Все это исчезло – будто и не было: подросший и раздавшийся в плечах Грош сумел наняться в команду одного из многочисленных кораблей. Брат ушел, как говорили здесь, на Реку, оставив им с тётушкой все свои сбережения, да прозвище, уменьшенная форма которого, тогда и прилипла к младшему. С той поры много воды утекло в Вечной Бели, но ни единой весточки о себе Грош так и не подал. Тетушка каждый вечер молилась за него Великой Рыбине, но или её голос был тих, или у речного божества и без этого было много дел. Вскоре в тёткиных молитвах стали возникать и другие просьбы. Прежние постояльцы съезжали, новых становилось всё меньше, и хозяин нередко заводил разговор о продаже дела, подсчитывая убытки по вечерам. Он стал частенько прикладываться к кувшину с вином, и махнул рукой на своё хозяйство. Напившись в очередной раз, он даже содрал вымпел с гостевого шеста и, если бы не тётка с Грошиком, сломал бы и сам шест. Жизнь действительно повернулась к ним плохой стороной – последнее время они экономили во всём: дела в кашеварне шли из рук вон.

Каждый день, еще затемно Грошик приходил к наследному столбику в поисках тех, кто не знал где остановиться на ночлег перед отплытием или только прибывал в Заводь, с намерением остаться здесь на какое-то время. Но вот уже больше трех седмиц Грошик возвращался ни с чем, вернее ни с кем. Толпа беженцев, наводнявшая Заводь еще некоторое время назад значительно сократилась: кто-то уплывал по реке в поисках лучшей жизни, многие возвращались назад к своим родным местам, благо Погибель пошла на спад и по дорогам на север худо-бедно можно было передвигаться. Но самую большую свинью подложил советник Чагол, близкий друг вильета и владелец пристани. Взял и помер в одночасье. Соответственно и Дальняя пристань, возле которой находилась кашеварня Касама (носившая немудреное название «Сивоусый Сом») в один момент лишилась покровительства. Пока вильет назначил на место скончавшегося нового лизоблуда, пристань находилась под неустанным давлением со стороны возжелавших прибрать к рукам теплое местечко-даже самые последние попрошайки отчаянно дрались, защищая свою территорию. Отбились, отстояли, хотя потом еще не раз по ночам Вечная Бель принимала в свои воды тела, закутанные в связанные из речных водорослей мешки-плетенцы, с привязанным к ногам грузом. С назначением Бура, нового владельца пристани из Верхних, Касам вздохнул с облегчением – даже почти перестал заливать вином своё горе. По слухам, преемник Чагола собрался обстоятельно взяться за новое для себя дело, пообещав возродить былое величие Дальней. Начал он тоже рьяно – перерыл дорогу в двух местах и снёс старый мост, соединявший эту часть Заводи с остальным миром. На этом всё и закончилось: вильета призвали к регенту, а Верхние без него боялись даже подумать лишний раз, не то, что брать деньги из казны на новое строительство. С крушением моста окончательно рухнуло и доходное дело Одноухого. Ну не желали заезжие гости и торговцы пробираться всякий раз к пристани или от неё через неглубокий, но широкий овраг по колено в вонючей грязи. Портовая

жизнь направила свою кипучую деятельность в обход Касамовых проблем, и оставалось только смотреть как толли, полутолли и толики всех размеров подпрыгивая и позвякивая, неслись мимо их кашеварни.

Все это сильно сказывалось и на Грошике – одежда его, и так штопанная многократно – поистрепалась вконец, и похож он был больше на местного оборванца-попрошайку, чем на кашеварного зазывалу. Смотреть по сторонам ему не хотелось, на что там было смотреть? Как зазывалы других кашеварен ведут новых клиентов или провожают старых? Или на гримасы Блинюка, подростка из местных, работающего в заведении «Рыбное место», хозяин коего после смерти Чагола, продал свое дело у Дальней пристани и открыл кашеварню на Приовражной стороне, ближе к выгодным местам? Да и урчание пустого желудка отвлекало от действительности. Касам кормил лишь вечером, а в остальное время Грошик должен был питаться за счет зазванных гостей, ведь, по не писаным правилам, гость давал зазывале монетку, зариться на которую, хозяин кашеварни не смел даже и помыслить. Но где ж их взять-то, монетки эти!? Не у Блинюка же просить поделиться одним из гостей... Столбики «Сивоусого Сомы» и «Рыбного места» находились почти напротив друг друга, чуть пониже развилки дороги. Только вот мимо Блинюка постоянно грохотали телеги, тяжело шагали вечно всем недовольные и задиристые орки, спешащие к своим фелюгам, и заезжие гости нет-нет, да останавливались возле конкурента. А на проторенной колее, что шла мимо Грошикова столбика кое-где стала пробиваться зелень. Забывать стал люд эту дорогу, нечего было делать на ней, а желающих поглазеть на развалины моста, что-то не находилось. Обманом же привлекать постояльцев в кашеварню, Грошик даже и не думал, хватило одного раза. Хорошо, что зазванный им громадский купец оказался не в состоянии нанимать стража для своей охраны, удрать удалось, но ухо до сих пор помнило, как купец его выворачивал. Так, с горящим ухом, и пришел тогда к Касаму. Варщик же, узнав в чем дело, надрал ему и второе – и за обман, и за то, что купца так и не сумел уболтать. Поэтому Грошик просто сидел, угрюмо смотря под ноги. Дурманящие запахи рыбных жаровен от кашеварен у соседней пристани вызывали бурчащие отклики в его животе, заметно припекало, но уйти со своего места Грошик не мог. Это возможно был последний день его зазывальства. Сегодня к Касаму должны были прийти посланцы от Рыжеблуда – старшего бывшей Чаголовой, а теперь нынешней Буровой пристани. Вот так – прибылей пристань почти не приносила, а старший был. И при этом не забывал, что раз в десять седмиц все хозяева кашеварен платили взнос, размер которого определялся количеством живущих в ней постояльцев: чем их было больше, тем меньше надо было платить. Это было вполне объяснимо, постояльцы обеспечивали работой огромное количество приречников: для них ловили рыбу, бегали с поручениями, охраняли их грузы или их самих и еще много чего.

Постоялец в «Сивоусом Соме» был. Один-одинешенек, он жил давно и задарма, так как время от времени лечил хозяина кашеварни и его работников – Грошика и его тётку, а также сварливую кухарку по прозвищу Ракушка, и немного слугу Фильта – от различных недугов и не брал за это ни толики. А посему отдавать взнос Касаму, скорее всего, было нечем, он и так уже в прошлый раз просрочил выплату. Старший знал варщика давно и поэтому шел на уступки, но постоянно так продолжаться не могло. Из-за этого еще с вечера Касам потихоньку наливался самодельным вином и когда Грошик выходил в предутреннюю прохладу, направляясь к рабочему месту, хозяин все еще сидел за большим деревянным столом, более грустный, чем хмельной, перебирая четыре монетки – всю свою казну.

Все это ни к чему хорошему привести не могло и Грошик, терзаемый голодом, жарой и ясно маячившим впереди беспросветным будущим тихонько заплакал. Как не крепился и держался, слезы потекли по лицу, оставляя грязные разводы на щеках, срываясь в дорожную пыль под ногами, застывая тяжелыми темными лепешками. Одна из таких лепешек вдруг разлетелась грязными комочками, а поверх нее в пыли осталась лежать монета, тускло поблёскивая на дневном свете. Не веря себе, Грошик поднял голову. Сквозь дрожащие в глазах капли он уви-

дел закутанную в темный плащ фигуру с глубоко надвинутым на лицо наголовником. Тяжелые походные сапоги выглядывали из-под накидки, а рука, бросившая толику под нос закручинившемуся зазывале, была одета в полуперчатку из грубой кожи каррорского болотного змея.

– Ну! – сапог нетерпеливо притопывал, вздымая облачка пыли. – Ты поднимешь монету или мне надо сунуть её тебе под нос? Я слишком долго в пути чтобы кланяться перед каждым чумазым заревой!

– Я не попрошайка, барна! – слезы мальчугана моментально высохли и, хотя обида на подошедшую кипела внутри, Грошик сумел вставить уважительное обращение, распространное по всей Обители, которым обычно именовали знатных женщин. Кто знает, что у нее на уме – уши еще помнили громадского купчика и последствия обмана.

– Так и это не милостыня, – усмешка чужачки явственно чувствовалась в довольно мелодичном голосе, раздававшимся из-под капюшона, – я, знаешь ли, вообще не подаю маленьким плаксам, к тому же сидящим на зазывальном столбе.

Грошик похолодел от волнения, но все же решил уточнить: – Барна, наверное, ошиблась. До моей кашеварни теперь тяжело добираться, она далеко от пристаней и торговых, да и с постоем у нас сейчас неважно..., – закончил мальчуган совсем тихо. Он понимал, что возможно рвет все нити, связывающие его с пришедшей гостьей, что путей к отступлению никаких, но робко хватался за последние отблески тающей надежды. Краем глаза он видел, как оскалился Блинюк, ждущий своего часа. Он и не вздумал подойти к столбу Грошика, знал гад, что гостя сейчас развернется и направится к нему. Не помешала бы Блинюку и толика, которую чужачка, по всей видимости, не собиралась искать в пыли и забирать обратно.

Но пришедшая вела себя более чем странно, на жадно-оценивающий взгляд зазывалы «Рыбного места». Она упорно продолжала стоять рядом с Грошиком, так что пришлось все же сделать несколько шагов в их сторону. Упускать постояльца Блинюк не собирался: у гостыи за спиной стоял мул, запряженный в повозку, а значит, потенциальный постоялец был при деньгах или, по крайней мере, при товаре, коим тоже можно было расплатиться за постой. Однако в его сторону даже не посмотрели – мало того – чужачка с силой встряхнула Грошика за плечо: – Ну. Я долго буду ждать? – и тот, будто глотнув свежего ветра с реки, дрожащим голосом стал произносить первую заповедь кашеварни:

– Я, Грошик из «Сивоусого Сома», принимаю твой дар, и веду тебя на постой, заявляя тем, что у тебя будет крыша над головой, – голос осип и срывался, но Грошик продолжал, – еда, и корм для живности твоей.

Он закончил и сделал робкий шаг в сторону замостков, ведущих к кашеварне Касама, но боязнь того, что все это окажется сном сыграла с ним злую шутку. Непроизвольно он схватился за плащ новой постоялицы, что было делом для зазывалы немислимым и даже опасным. Сейчас любой конкурент мог закричать, что зазывала Одноухого Касама силком тащит гостя к себе, не давая другим поучаствовать в честном торге. И всё. После такого чужак мог спокойно отказаться от услуг проштрафившегося, а наградная монета разыгрывалась между ближайшими зазывалами и тютю-прошай постоялец, даже если и произнесена была первая заповедь. Грошик с ужасом смотрел, как пальцы Блинюка тянутся к забытой на земле монетке, понимая, что исправить он ничего уже не может. Блинюк даже не прокричал нужную фразу, ведь в уме он уже слышал похвалу хозяина, вкушал сытный обед и прятал остатки толики в укромное местечко.

Грошик отпустил край плаща и отвернулся. Оттого он и не увидел, как в воздух взвился кнут, зажатый рукой в полуперчатке, зато услышал свист раздавшегося воздуха и почти сразу захлебывающийся визг. Отпрыгнув от неожиданности в сторону, он, не веря своим глазам, смотрел, как Блинюк, ревя во всю глотку, баюкал на груди посеченную кисть. Несколько доглядчиков из местных прихлебал, поставленных Рыжеблудом смотреть за порядком, направились было к ним, но были остановлены властным жестом гостыи:

– На чужое позарился! – кнутовище указывало на ревушего Блинюка. – Мой зазывала заповедь сказал, под крышу повел, а толику поднять не успел – этот вот крючки свои потянул. На пару шагов не отошли...

Грошик обмер. Мало что пришлая встала за него, она своими словами определила ближайшее будущее соседского зазывалы. Меньшее, что грозило Блинюку—быть нещадно поротым на близлежащей площади, а о большем и подумать было страшно. Доводы Блинюка слушать не будут: обвинил его не другой зазывала и не его хозяин, а гость! Да и стоял зазывала не у своего столба. Прихлебалы переглянулись. Блинюк был им знаком, но и связываться неведомо с кем, да еще и под защитой произнесенной заповеди могло быть себе дороже. Нехотя кивнув, они подхватили покалеченного и направились в сторону «Рыбного места», решив предоставить судьбу зазывалы его хозяину, а осмелевший Грошик уже по-хозяйски ухватил поводья мула и потянул его за собой.

– А это все же заведи... – пришлая протянула ему толику, которую успела подхватить, – или ты так богат, что для тебя лишняя монета ничего не значит?

– Прости, барна, – Грошик запихал монетку в небольшой мешочек, висящий на шее. Одновременно он успел украдкой посмотреть на зазванную еще раз. Положа руку на сердце, он бы не стал читать ей заповедь, если бы Касам так не нуждался в постояльцах. Не по душе ему были те, кто прятал свои лица под наголовниками или еще как-нибудь пытался скрыть свой облик. Хотя за время своего зазывальства он успел насмотреться всякого, одни призрачники с гоблинами чего стоили. «Да и вообще... – думал он, – мало ли что у постоялицы с лицом, может болячка вредная наследила или попутчик какой, оставил пару синяков. Вот и прячет, ... хотя на такую вряд ли кто руку бы поднял, сразу по локоть могла отхватить. (Вон как она с Блинюком... шрам, поди, останется, если ещё пальцы потом шевелиться будут). А может и просто уродливая, от насмешливых взглядов накидка у нее...»

Мальчуган так увлекся своими думками, что чужачке пришлось повысить голос, привлекая его внимание.

– Эй, зазывала, – гостя требовательно смотрела в его сторону – как дела на вашей пристани? Когда были последние вести из Заречья?

– Какие дела? – Грошик пожал плечами. – Ждём, когда вильет приедет из столицы, тогда может и мост восстановят. Из-за этого приезжих у нас сейчас и нет почти, местные и те разбегаются, ... а насчет вестей барне лучше спросить на постое. Иногда к нам ещё заходят старые друзья хозяина, глядишь, и слышали чего...

– Погоди, – пришлая резко остановилась, – ты хочешь сказать, что пристань толком не действует? И давно?

– Да уже вторые полгода пошли. Почти сразу после того как не стало старого владельца, – Грошик тоже остановился, недоумевая, как чужачка может этого не знать? Она же пришла со стороны города, а от Приречных ворот вся Заводь как на ладони. Не увидеть, что потоки люда и караваны телег шли куда угодно, кроме их стороны, невозможно, и значить это могло только одно – Дальняя пристань была почти мертва. Да и то, что он говорил ей в начале, она должна была расслышать... Поэтому он вопросительно смотрел на постоялицу, не выпуская из рук поводья мула.

– Да, не ожидала я такого, – барна посмотрела на Грошика и рассмеялась. – Не трусь, назад поворачивать я не собираюсь. А пока идем к твоей «крыше над головой» расскажешь мне, что тут у вас происходит. Ох, долго я была в пути, слишком долго...

Последние слова она произнесла тихо, но Грошик их расслышал и воспринял их как укор себе. Путешественница видимо сильно устала, а он еле тащится, витая в своих размышлениях о ее внешности.

– Скоро дойдем, уже скоро... – Грошик был готов бежать, но мулу такой способ передвижения явно претил, пришлось примеряться к его уставшим шагам.

– Ты не молчи, – постоялица пошла рядом с Грошиком, – рассказывай.

– О чем, барна?

– Ну, хотя бы о том, куда ты меня ведешь? – будущая постоялица опять остановилась, на этот раз на краю оврага. Она внимательно посмотрела на другую сторону, потом на Грошика и, отобрав у последнего поводья, осторожно, но решительно стала спускаться вниз. Мулу явно не понравилось такое изменение маршрута, он заупрямился, но чужачка опять сунула кнут ему под нос, заставив подчиниться. Довольно полагая тропа, с трудом, но позволяла повозке медленно продвигаться к самому дну, где непролазная грязь и создавала основную преграду на пути желающих посетить эти места.

Сейчас, правда, через неё и небольшой, но шустрый ручей, были перекинута импровизированные мостки из обрезков досок и горбылей разных форм и размеров. Подойдя к ним, пришедшая опять всучила поводья Грошику, а сама встала сзади повозки, при этом что-то бормоча – словно уговаривала кого-то. А может, читала молитву своему Богу, тут у каждого путешественника их, этих Богов, ужас, сколько было (уж кто-кто, а Грошик в этом поднаторел, навывлет мог назвать пару-тройку десятков). Но ничего, пронесло: повозку хоть и качало нещадно, но до подъёма на свою сторону они добрались без приключений.

Дальше дорога была гораздо удобнее. Она прямиком выходила на старые раскопы, из которых в своё время брали глину для обмазки построек.

– Да и теперь, нет-нет, а продолжают рыться в здешних ямах, взять хотя бы глупую Ивию, она хоть помешенная, но добрая: лепит свои непонятные фигурки и ходит потом по торговищам, продаёт. И, что... частенько покупают! – воодушевлённо рассказывал пришедшей Грошик. – Кто для оберега от дурного глаза, а кто и просто так, по своей доброте. Вон... вон она побежала, – зазывала указал на одетую во всё чёрное фигуру, спешившую убратся с их дороги. – Порой и из местных кто сюда навевывается, подправлять-то дома надо, они ж не вечные...

Они уже прошли под комлем огромного дерева, вывороченного из земли давнишним половодьем, и выбрались на проторенную дорогу за разваленным мостом. Грошик всё продолжал говорить, *убалтывая* пришедшую, не давая ей возможности толком осмотреться и повернуть назад. Это тоже входило в зазывальные обязанности, гостя необходимо было втянуть в разговор и, тем самым, сократить беседой последний отрезок пути перед пристанищем. Оттого Грошик не умолкал ни на миг. Он рассказал путнице о Касаме, о том, как тяжело сейчас держать кашеварню, об одиноком лекаре постояльце и даже о посланцах Рыжеблуда, которые вот-вот должны были заявиться к его хозяину. Упомнив про них, он охнул про себя.

– Барна, прошу тебя скорее ... успеть бы нам до них, – Грошик даже приплясывал от нетерпения. Прийти раньше означало, что в кашеварне есть постояльцы, числом аж целых два, и тогда Рыжеблуд мог и закрыть глаза на просрочку, а денег, что гостя заплатит за постой, да прибавить Касамову заначку, да его заработанную монетку – должно хватить до следующей платы. А за следующие десять седмиц может произойти что угодно – не вечно же вильет будет торчать при дворе!

Отверженная

Они не успели. На тропинке, ведущей от «Сивоусого Сома» к реке стояла телега, возле которой вольготно расположились двое из людей Рыжеблуда. Ещё один по-хозяйски расхаживал по скотнику, отмахиваясь от немого Фильта, хватавшего за рукава незваного гостя в беспомощных попытках вытолкать того за ограду. Судя по голосам, в доме тоже кто-то был. Не сумел видно договориться Касам и сейчас внутри спорили о том, что из имущества он передавал людям Рыжеблуда в зачет своего долга. Оставив гостю с ее пожитками на улице, Грошик, спотыкаясь, влетел на крыльцо, и сильно рванул шнур, привязанный к лодочному колокольцу, что висел перед входом в кашеварню. В доме замолчали, а затем послышались торопливые шаги и изумлённый Касам выглянул из-за двери, всё ещё не веря своим ушам.

–Тыыы!?! – недоуменно протянул он. – Ты что тут делаешь?! Его взгляд потерянно скользил по руке Грошика все еще державшую колокольную веревку. – Постой уж не хочешь ли ты сказать... – осенило его.

–Да, да, барн Касам, я привел,... она пришла... мул...,-Грошик путался в словах, но хозяин прекрасно его понял.

–Ты привел постояльца, – уверенно сказал Касам. – Слышишь, он привел постояльца!– крикнул он себе за спину,– Иди, скажи старшему, он должен понять...

Бесцеремонно отодвинув хозяина в сторону, на порог вышел Лохмоть, доверенный Рыжеблуда во всех творящихся на пристани делах. Довольно высокий, поджарый, одетый с нарочитой небрежностью, он был примечательной личностью: появившись незнамо откуда, буквально за год обустроил дела в административно-преступной местной элите и стал правой рукой старшего. Лохмоть был жесток, себялюбив, и разжалобить его...ну никому ещё не удавалось. Он отличался острым умом, обладал дьявольским даром убеждения, а если его авторитета не хватало, в «беседу» вступала группа поддержки из трех прихлебателей, первых балбесов во всей округе, да и сам доверенный мог при случае серьёзно покалечить упряма. Лохмоть держал в руке кулёк, наполненный сладкими орешками прихваченный им в кашеварне. Блаженно жмурясь, он поглощал содержимое, поплеывая кожурой на свежесмытое тёткиными стараниями крыльцо.

–Ну...? И где этот ваш спаситель? – насмешливо поинтересовался доверенный.

–Здесь! – уверенный голос чужачки, несколько сбил спесь с Лохмотя, а заодно и несколько успокоил варщика. – Эй, ты, – продолжила она, безошибочно угадав в немом Фильте дворового служку, – прими мула, только не вздумай пока распрягать! Я смотрю, здесь не слишком рады гостям...

– Отчего же? – засуетился Касам. – Добро пожаловать в дом... может вина с дороги? – варщик сиял как новенький толль, и было видно, что дорожке новой постоялицы для него сейчас никого нет. Чужачка прошла за ним в придомную, откуда, миновав узкий коридор, они попали в главное помещение кашеварни-едовую. Здесь и заключал свои сделки Одноухий Касам. Большая комната была чистой и довольно светлой, в углу чернел обугленный зев очага, не нужного по причине жаркого времени. Напротив окна на стене, висела чудовищных размеров голова сома с открытой пастью. Длинные усы были вытянуты в разные стороны параллельно полу и закреплены гвоздями. Видимо от этого чучела кашеварня и получила своё название. Отодвинув увесистый табурет, Касам уселся за один из трех круглых обшарпанных столов. Лохмоть пристроился рядом, а Грошик, прошмыгнувший в последний момент, затаился под лестницей, ведущей к комнатам постояльцев на втором этаже. У этой лестницы остановилась и пришедшая, всем своим видом выражая нетерпеливое ожидание.

–Значит, барна хочет здесь остановиться...,-сияя, бормотал Касам. – Ну что ж, условия у меня обычные, живи сколь угодно, плата, значит, положена будет такая-полтолля в седмицу вместе с содержанием твоего мула. Комната наверху, харчуемся мы три раза в день, воровства не боимся: вот уважаемый Лохмоть не даст соврать, – Касам важно кивнул в его сторону. – Если устраивает, милости просим...

Грошик ойкнул под лестницей и тут же зажал себе рот. Одноухий видимо за прошедшую ночь пропил все свои мозги, если решился назвать такую плату. В том же «Рыбном месте» цены были вдвое ниже и кормили там, кстати, не в пример посытнее. Старый варщик, небось, посчитал, что гостя не знает местных условий и ее можно дурить, как душе будет угодно. Ага, ...не знает она, как же! У столба зазывального вела себя так, будто приходилось ей в Заводи останавливаться через две седмицы на третью, да не просто останавливаться, но еще и проживать какое-то время. Эх, не успел перемолвиться с Касамом, не обсказал ему про барну, а потому развернется она сейчас и поминай, как звали! Грошик был так огорчен, что чуть не пропустил дальнейшее.

Здесь два толля, варщик, – пришлая вертела монету между пальцами, – условия приняты.

–Э-э-э, постой, постой, – неожиданно протянул Лохмочь. – дорогой Касамчик, ну нет у меня убежденности, что эта..., скажем так, фигура действительно та, за кого себя выдает. Может ты нанял какого-нибудь показушку, а сейчас перед нами представление разыгрываешь? И денежки у нее из тех, что ты сам ей дал?! Мне уверенность нужна, что ты, Одноухий, не пытаешься от нас открутиться. Я надеюсь, ты не забыл, что показушки местные мне хорошо известны, может, поэтому лица то у неё и не увидеть, – и он решительным шагом направился к прибывшей.

Двухтоллевик сверкнул в воздухе, опустившись на стол прямо перед оторопевшим варщиком, и он машинально прихлопнул его ладонью. Одновременно с этим чужачка откинула наголовник и шагнула навстречу доверенному:

–Ну? – гостья нервно засмеялась. – Ты и теперь думаешь, что тебя разыграли?!

В комнате наступила мертвая тишина. Лохмочь попятился назад, забыв, о чём он только что говорил, а Касам так и остался сидеть с открытым ртом. Грошик же подскочил от неожиданности, при этом больно приложившись затылком о деревянную ступень. Но боли зазывала не почувствовал, во все глаза пялясь на открытое лицо пришлой. На нем не было следов болезни или синяков – лишь небольшой шрам в уголке лба – да и уродиной она не была. Все было гораздо хуже. Она была эльмой.

Не так уж много времени прошло с той поры, как гномий народ и эльфы, разбросанные судьбой по всем уголкам Обители, прекратили истребительную войну. Эта вражда передавалась в двух народах от отца сыну и от матери дочери. Первопричины уже никто не помнил, она потерялась далеко в столетиях кровавых боев, коварных вылазок и победительных пиров. Временами заключались перемирия, но мельчайший пустяк нарушал хрупкое равновесие и опять по всем заселенным землям эльфы драли гномьи бороды, а подгорцы гордо носили на поясах косы поверженных эльфов. В одну такую пору Орьенгорд-тогдашний владыка Нагорных пустошей – решил унижить своих врагов, покусившись на самое дорогое, что было у эльфов. Известно, что гордые жители лесов вели свой род от Великого дерева, и в каждом эльфийском селении было место, где стоял потомок святыни, возвращенный из его семян. За ним ухаживали, делились радостями и горем, спрашивали совета в особо трудных делах. Но занимались этим лишь женщины. Мужчины же приходили в капище только после обряда взросления. Именно там совершалось таинство продолжения рода, и зачатый под деревом первенец считался его прямым наследником и являлся неприкосновенным. Если же ребенок из-за недогляда умирал, его родители становились безродными. Нет, их никто не изгонял, они продолжали жить в селении, могли ещё нарожать детей, участвовали, как и все, в походах и охоте. Но уже никогда «потерявшие веру» не могли воспользоваться защитой Рода и говорить наравне с другими на родовых советах.

Этим то и воспользовался Орьенгорд, решив опозорить святыню эльфийского народа и – тем самым – разобщить лесовиков. С гиканьем и уханьем, вспоминая всех своих святых, гномы хлынули из терпеливо прорытых ходов в те эльфийские деревни, что на свою беду стояли на покрытых лесами горных отрогах. Пока лесовики соображали, что к чему, пока собирались и давали отпор бородастым воителям, подвернувшись под руку эльфиек за волосы тащили к священному дереву, где они попадали в крепкие объятия подгорцев. В этом и заключался изуверский план гномьего владыки. Он прекрасно понимал, что после произошедшего, эльфы будут долго и нудно судить и рядить, как быть дальше и к единому мнению, скорее всего не придут. У Орьенгорда даже была надежда на племенные стычки между лесовиками на этой почве, которые могли привести к ослаблению заклятого врага.

Но его желания сбылись лишь в самом начале. Набеги и изуверства подгорцев продолжались не долго. Поняв тактику врага, эльфы снимались с насиженных мест и уходили подальше

в чащобные места, куда самому упрямому гному попросту было не пробраться ни под землей, ни по ней. Но память осталась, и она была горькой.

Не все опозоренные эльфийки были незамужними, не у всех плоды гномьих утех были первенцами. Поплакали, повывтравливали последствия и продолжили жить дальше – как будто ничего и не случилось. Но были и такие, кому это было не под силу. Несчастные, они даже не могли покончить с собой, потому что, убив себя, они бы убили и первенца, живущего внутри. Время шло, Советы за Советами собирались в Родах, дети появлялись на свет, и долго еще бы ничего не решилось, пока одна из опозоренных просто не подкинула своё, ненавистное всем чадо, в первую же подвернувшуюся повозку на близлежащем торговище. Обычай был соблюден, первенец остался жив, а то, что он не в Роду, мало ли, может сам ушел. На том Родовые Советы и порешили.

Повозка с первым подкидышем принадлежала Светлой Семье, религиозной общине распространённой по всей Обители. Ничуть не удивившись появлению ребенка в телеге и возблагодарив за это Светлых Отца с Матерью, бродячие монахи приняли его к себе. Потом еще не раз они находили детей в своих повозках, в корзинах со стиранным бельем, а порой и просто на лесной дороге. Детишек растили, кое-чему обучали, а когда подкидыши подрастали, ставили перед выбором: либо кочевать с членами общины, сея в заблудших душах великую любовь Светлой Семьи, либо тоже кочевать – но уже в одиночестве. Оставались немногие. Остальные разбрелись по всей Обители, пытаясь разузнать правду о своём происхождении – и кто знает, сколько их сгинуло в лесах и подземельях, куда они отправлялись на поиски своих нерадивых родителей. Так и появились по городам и деревням эльмы – проклятие двух народов. Отверженные эльфами, презираемые гномами, они и рады были бы влиться в круговорот повседневной жизни, но ничего не получалось – к тому времени унижительное отношение к ним распространилось повсеместно. И нельзя было сказать, что они были глупы, уродливы или обладали несносным нравом. Наоборот, к счастью, а может и на свою беду, эльмы впитали всё самое лучшее от не желающих знать их предков, отбросив ненужную шелуху взаимной неприязни. Они читали лес как открытую книгу, знали повадки зверей и птиц, обладая острым зрением, прекрасно видели в темноте, без ущерба для своего здоровья могли находиться в шахтах и подземельях. Эти качества пользовались большим спросом в каменоломнях и на лесорубках, куда эльмы, в конце концов, и попадали, хотя и там могли рассчитывать лишь на самую неблагоприятную работу. Порой кому-то удавалось подняться до положения слуги при благородном господине или найти пристанище у бродячих показушек, но такое встречалось крайне редко.

И вот теперь одна из отверженных стояла в едовой «Сивоусого Сома», претендуя, страшно подумать, на гостеприимство со стороны его хозяина. Грошик никогда не видел эльму так близко и рассматривал ее с любопытством, позабыв на время о предрассудках.

Чего точно в ней не было, так это видимой хрупкости, присущей лесному народу. Невысокого роста, крепко сбитая, она уверенно смотрела большими, эльфийскими глазами на окружающих ее мужчин. На ее лице не было и того налета высокомерия, с которым эльфийские торговцы и прочие гости смотрят на окружающий мир, но и смеси угрюмости и показушности, свойственных гномам, Грошик тоже не увидел. Черты лица пришлой были четкими, а сейчас даже жёсткими. Освобожденные от наголовника прямые иссиня-черные волосы были заплетены в небольшую косичку. Тёмный плащ немного распахнулся, показывая простую солдатскую фаниту, – крепкую верхнюю одежду, носимую воинами в повседневной жизни. На поясе висел внушительных размеров кинжал, но эльма не стала хвататься за рукоять, а наоборот, подвинула его по поясу в сторону. Рот эльмы был упрямо сжат, и было видно, что она скорее ляжет костями у двери едовой, чем уступит хоть немного, тем, кто смотрел на нее с нескрываемым презрением. Положа руку на сердце, Грошику она больше понравилась, чем вызывала отвращение, но кто бы сейчас в кашеварне учитывал его мнение?

–Выродок... этот маленький мерзавец притащил в мой дом выродка! – прохрипел опомнившийся Касам.

–Одноухий, не злись на мальчугана, – Лохмоть тоже пришел в себя, – Как он мог догадаться? Она ж спрятала свою бесчестную морду, вот он и попался на удочку. Доверился, а учитывая полную зад...полный застой с постояльцами в твоей кашеварне, слишком поторопился, боялся упустить гостя, ведь так?

Поняв, что обращаются к нему, Грошик неуверенно кивнул головой. Ведь подставила его эльма, ох и подставила, он же первую заповедь ей сказал, то есть *п р и г л а с и л* в свой дом. Касам, конечно, от нее избавится, но потом... потом вышвырнет их с тёткой на улицу и будет прав. Да еще слух пройдет по всей Заводи... не то, что зазывалой, на самую грязную работу ни в одну кашеварню не пристроишься! А он её ещё и барной величал! Вспомнив об этом, Грошику захотелось провалиться под землю, причем в буквальном смысле.

–Вон из этого дома, тварь! – продолжал тем временем хрипеть Касам. – Уходи сама, пока вшаей не вытолкали!

–Остынь, варщик, глянь лучше, на то, что у тебя в руке, – эльма никак не отреагировала на оскорбления, да и большого внимания никому – кроме Касама – сейчас не уделяла.

Одноухий посмотрел на руки. В приступе гнева он сжал их в кулаки, и только теперь почувствовал в одном из них кругляшок. Раздвинув пальцы, он с недоумением уставился на двухтолловую монету, лежавшую на ладони.

–Ты взял ее деньги! – весело резюмировал Лохмоть. Похоже, ситуация стала его забавлять, и он с невольным восхищением посмотрел в сторону неприятной гостьи.

Касам побагровел. Мало того, что эльма, можно сказать, обманом влезла в «Сивоусого Сома», она еще и показала, что обычаи кашеварни для нее не пустой звук. Варщик был побит на собственном поле и загнан в тупик, выхода из которого он не видел. Первая заповедь, которую чужаки выслушивали у зазывального столба, ещё ничего не значила. В ней просто говорилось о возможном представлении кашеварней нехитрых услуг, и заявлялись некие права на данного гостя. Все основное творилось уже внутри кашеварни, и главным здесь был торг. Ведь гость мог и не принять хозяйских условий, а мог и договориться об уступках со стороны владельца: предложить в качестве оплаты товар, или вообще попроситься пожить в долг, оставив в залог свою личную вещь. Тут уж сам хозяин решал – на какое время ему пустить пришлого, какую комнату ему предоставить и как кормить его и его живность, если она у того была. И лишь после того, как варщику в руки попадало то, чем чужак расплачивался за постой, уговор считался заключенным. Вот тогда-то и произносилась основная, вторая заповедь и гость мог чувствовать себя как дома под защитой права гостеприимства.

Конечно, и после этого владелец кашеварни мог указать гостю на дверь, но для этого ему нужно было либо вернуть залог в полуторном размере (в Касамовом случае, неподъемные для него при нынешних обстоятельствах, три толля), либо доказать, что гость нечист на руку. Бедняга варщик не мог сделать ни того ни другого. На выручку ему опять пришел Лохмоть, напряженно что-то обдумывающий в последние мгновения.

–Постой, дружище варщик не торопись, – Лохмоть быстро подошел к Грошику и, встряхнув, поднял последнего на ноги.

–Скажи мальчуган, а с чем сюда пожаловала эта... мм-м ... путешественница? – Лохмоть смотрел серьезно, вся его веселость куда-то делась, и сейчас он больше напоминал хищника, учувшего свежую кровь. – Мне почудилось, или я действительно слышал что-то про мула?

–Нет, барн Лохмоть, у неё, – Грошик кивнул головой в сторону эльмы, – с собой повозка, туда мул и запряжен...

–Отлично, – Лохмоть потер руки, – теперь твоё слово, Одноухий. Много ли на своем веку ты видел выродков, обладающих таким имуществом? Могу ответить за тебя – ни одного! Это касается и всех присутствующих, я думаю...

Лохмоть быстро прошел к окну: – Крючок, Детинушка, кликните Шкипера и гляньте что там в повозке у...нашей гостыи, – крикнул он своим людям.

– А теперь, если я ещё могу рассуждать здраво, а я могу, – Лохмоть шутливо поклонился присутствующим, – я расскажу, что же собой представляет это недоразумение, стоящее перед нами. Она из слуг, несомненно, служила в хорошем состоятельном доме – судя по ее внешнему виду. Барн или барна были добры к ней... Даже слишком. Потому, что, когда случилась возможность (хозяева слишком стали доверять ей) эльмка отплатила им черной неблагодарностью и сбежала от них, не забыв прихватить кое-что из хозяйских вещей!

– Что говорит в пользу моих умозаключений? – Лохмоть расхаживал по едовой, периодически останавливаясь, то перед Касамом, то перед Грошиком, загибая при этом пальцы. – Первое, плащ на ней, хоть и поношенный, но из дорогой громадской материи, он ей по фигуре, а значит, для нее и покупался (что говорит о доброте ее хозяев). Второе, под ним простая фанита (чтобы не привлекать к себе внимания-сейчас на дорогах много бывших вояк), и третье, мул с повозкой принадлежать ей просто не могут (что говорит о незаконности их приобретения). Да и место для постоя было выбрано не случайно-мертвая пристань, посторонних глаз мало, а варщики будут готовы сапоги вылизать редкому гостю. Одноухий, пляши, мы поймали воришку!!!

Грошик шумно перевел дыхание. Действительно, если всё так, как говорил доверенный, можно было пуститься в пляс. Во-первых, ни о каком постое эльма не могла теперь даже и помыслить. Во-вторых, донесший на вора по местному обычаю получал половину того, что находили при мошеннике (Законы вильета, правда, толковали иное, но кто в Заводи собирался их соблюдать «от» и «до»?!) и, наконец, в-третьих, никакого позорища для кашеварни не будет! Грошик не *з а з в а л* гостя, он *з а м а н и л* в ловушку вора. И честное дело сделал и своему хозяину помог. А эльмка...жаль ее, конечно, все же у столба выручила его, но как говорит Лохмоть, все это она не просто так делала, ей надо было сюда попасть.

Он украдкой покосился на эльму. Странно, но грозящие неприятности, казалось, абсолютно её не волновали. Она просто игнорировала все рассказы Лохмотя. Гораздо больше ее занимало что-то происходящее во дворе. Она внимательно прислушивалась и даже шикнула на Касама, неловко скрипнувшего табуретом. Видимо то, что творилось за окном, её вполне устроило и она, удовлетворенно кивнув, резко повернулась к подошедшему доверенному.

– А что, если ты ошибаешься, Лохмоть? – как-то слишком весело спросила она. Грошика поразил не только ее тон, но и прямое обращение к соратнику Рыжеблуда, высказанное без всякой боязни и уважения.

– Ну, уж нет, выродок, – Лохмоть отрицательно помотал головой, – видишь ли, в чём дело, я и сам вор, правда, наивысшего умения. Так что мелюзгу типа тебя вижу насквозь...

– Да что ты с ней треплешься? – Касам оперся на стол и продолжил: – Сдать ее стражам и дело с концом!

– Опять торопишься Одноухий, – Лохмоть досадливо повел плечом, – сдать ее мы всегда успеем. А вот ее шмотки надо прибрать сейчас...и отвезти всё добро к Рыжеблуду, да-да, Касамчик, всё, включая и твою долю. А если к твоей половине добавить то, чем ты с утра позвякиваешь в кошеле, думаю, твой долг перед нами будет закрыт. Жаль придется оставить что-то эльмке, мелочь какую-нибудь, для пушей стражей убедительности, но не будем жадничать, сейчас ребята за....

Его речь была прервана грохотом тележных колёс на тропинке и топотом ног в коридоре. В едовую ворвался Детинушка, громила огромного роста, с силой захлопнул за собой дверь и, метнувшись к ближайшему столу, приставил его к входу. Сила у Детинушки была дурная: скоро у двери оказался второй стол, а также табурет, с верещавшим на нем Касамом. Одновременно с этим в окно впрыгнул Крючок, сухонький мужичонка, своей сгорбленной спиной и впрямь напоминавший этот необходимый предмет ловли, и стал судорожно закрывать ставни.

Когда все приготовления к осаде были закончены, оба, как по команде, привалились к баррикаде, окончательно придавив к ней варщика и задыхаясь, стали говорить. Но поскольку говорили они одновременно, понять их не было никакой возможности.

– С кем воюем? – не потерявший присутствия духа Лохмоть вырос за их спинами и чувствительно пнул Крючка в мягкое место. – Вам же было велено заглянуть в её повозку, – он ткнул пальцем в сторону эльмы.

– Мы заглянули, – пробасил Детинушка, старательно вдавливая в ножку стола крившего его, на чем свет стоит Одноухого.

– Сначала немой не отдавал нам поводья... – вмешался Крючок, обладавший наоборот писклявым голоском, – а потом...

– А потом он заговорил, чем и перепугал вас до смерти, – усмехнулся Лохмоть.

– Нет, он молчал, – ответил Детинушка, чье чувство юмора явно хромало.

– Ладно, шутки в сторону, – посерьезнел Лохмоть, – от кого же вы тогда драпали?

– Иди и сам посмотри, если тебе надо! – огрызнулся Детинушка.

– Только запасные штаны не забудь, – вторил ему Крючок, – а то вон у Детинушки одни отрепки на заднице остались.

Действительно Детинушкины штаны сзади представляли собой кучу ленточек, по ошибке напаянных на его чресла. Лохмоть бросил быстрый взгляд в сторону эльмы.

– Что там у тебя, говори, ну...? – внутри доверенного тихонько закипал гнев.

– Тебе же сказали... сам Лохмоть, са – ам, – с легкой издевкой в голосе произнесла эльма и добавила, – ты ж у нас «наивысшего умения...».

Выхода не было. Лохмоть потихоньку, вдоль стены прокрался к окну и, осторожно открыв один из ставней, сделал щелку буквально в палец толщиной, через которую выглянул во двор. Там было тихо. Светило потихоньку сдавало свои позиции, клонясь к закату. Небольшой ветерок шевелил многочисленные кусты колючего бранника, создававшего возле двора кашеварни подобие живой изгороди. А посреди двора как полноправный хозяин расположился грайс-дикий кот северных лесов. Размером с каррорского песчаного волка, покрытый густой шерстью серого окраса с беловатыми пятнами он смирно сидел, поводя торчащими ушами из стороны в сторону. Лохмоть раньше видел таких. Через пристани порой вывозили этих зверюг, отправляя их в дар барнам и властелинам в разные концы населённых земель. Однажды деревянная клетка с тварью рухнула с телеги, дверь сломалась, и грайс выбрался наружу. Он покалечил четверых сопровождавших клетку стражей своими зубами и когтями, а пятому просто разорвал горло, прежде чем сдох, утыканный арбалетными болтами и копьями. Так что как не кипятился доверенный, а Крючок с Детинушкой еще легко отделались. «– А Шкипер? – схватился Лохмоть. – Этот – то куда подевался? Может корчиться где-нибудь в кустах, зажимая распоротый живот... И немого не видно... да того, если зверюга и приласкала, всё одно не услышишь, и позвать-то на помощь не сможет...»

Решив увериться в своих догадках, доверенный потихоньку стал расширять обзор, потихоньку толкая ставень. Но Касам, давно махнувший рукой на своё хозяйство, ставни не смазывал, и раздавшийся скрип выдал Лохмотя с головой.

Граиса будто подбросили. Резко развернувшись в сторону окна, он с интересом уставился круглыми зелеными глазами с узкой щелочкой зрачков прямо в лицо доверенному. Лохмоть нервно сглотнул, – интерес в глазах кота показался ему явно кулинарным. Оттолкнувшись от окна, он быстрым движением руки захлопнул ставень и опустил на пол у стены.

– Что там? – шепотом спросил Касам, наконец-то сумевший покинуть свое место на баррикадах. Отпечаток ножки вырисовывался прямо по центру его лба и Лохмоть нервно рассмеялся. Он продолжал хохотать и, постепенно, его смех заразил всех, находящихся в комнате. Трелью заливался Грошик, вытирал слёзы похрюкивающий Касам, даже Детинушка с Крючком, будто забыв о страхолюдинке во дворе, выдавали пискляво-басовитую смесь. Эльма смот-

рела на них с легкой улыбкой, но глаза ее туманились каким-то далеким воспоминанием: она словно раньше видела такую же пеструю компанию и слышала такой же заливистый смех. Всё ещё смеясь, Лохмоть шутливо погрозил ей пальцем. Истерика потихоньку сходила на «нет», спохватившиеся бродяги у дверей опять налегли на груды мебели, а недоумевающий Грошик повторил вопрос, не могущего отдышаться Касама:

– Что там, барн Лохмоть? – задрал вверх любопытную мордочку, мальчуган потянулся к окну, но доверенный резко оттолкнул его в сторону.

– А это пусть она нам ответит, – Лохмоть кивнул в сторону эльмы. – Непроста наша гостья, ох непроста. И чую, хлебом мы с ней ещё ... по самые ноздри! Убери киску, а? – Лохмоть странно кривил рот, стараясь не смотреть эльме в глаза. – Ведь всё одно тебе ответ держать! Шкипер, поди, уже со стражами сюда дорогу держит, а во дворе зверюга твоя и немой в кровище – это, считай, тебе сразу дорога в острог, по всем законам!

– Филът ранен? – охнул варщик.

– Надеюсь, – абсолютно серьёзно произнёс Лохмоть. – Надеюсь, что ранен, а не...

– Глупости, – фыркнула эльма, – Гарлин никого не тронет без моего приказа!

– Да, а это? – Лохмоть показал на тыльную часть Детинушки.

– Это защита, – спокойно парировала гостья, – грайс защищал доверенное ему имущество.

– Доверенное кем? – ехидно спросил Лохмоть.

– Мной.

– А оно твоё? – доверенный прищурил глаза, будто собираясь увидеть эльму насквозь.

Немного поколебавшись, гостья отвернула полу плаща и, пошарив там, протянула Лохмотю потускневший жетон. Прищурясь, Лохмоть внимательно посмотрел в лицо эльмы. Его лоб прочертила задумчивая складка, но доверенный всё же осторожно взял вещицу. Он даже не взглянул на неё, так и не отрывая взгляда от стоящей напротив странницы. Наконец, словно приняв важное решение, он бросил жетон под ноги пришлой.

– Этого нам только не хватало..., – Лохмоть весь собрался, как будто приготовился к броску и крикнул: – Крючок, Детинушка разбирайте завал, вымётывайтесь за дверь и крепко удерживайте её с той стороны. Я постараюсь уйти через окно. Пусть меня лучше загрызет эта зверюга, чем я отдамся в руки Вольного Охотника!

«Сивоусый Сом»

Все сидели за столами за исключением Грошика. Его выдворили сразу после того, как сумели утихомирить Детинушку, понявшего приказ Лохмотя буквально, в связи с чем, он быстро расшвырял по углам всё, наваленное у двери, включая и Крючка, ударившегося головой о стену. Теперь оба тихонько сидели в уголке, осторожно ощупывая абсолютно противоположные места, которые – как ворчливо заметил Лохмоть – похоже, выполняли у них одни и те же функции. Вдалеке погромыхивал гром, на Вечную Бель откуда-то из Заречья шла гроза. Грайс так и пребывал во дворе, правда теперь он растянулся под бранником, прячась от еще не скрывшегося светила. Нашёлся и Филът, который просто прятался в скотнике за кучами мусора, а затем, осмелев, пробрался в дом через заднюю дверь. Не было только Шкипера, но тот, как подозревал Лохмоть, давно проложил себе курс подальше от кашеварни и сейчас отсиживался где-нибудь в укромном месте. В таком же укромном уголке под лестницей, прятался якобы выгнанный Грошик. Он во все глаза смотрел на эльму, которая из презираемого изгоя, в одночасье превратилась в очень занимательную, и очень опасную для Лохмотя с друзьями личность. Хозяйку свирепого грайса (на которого Грошику дозволили посмотреть в оконную щелку) и Вольного Охотника.

Вольные Охотники появились в Обители давно-еще при деде нынешнего регента. Это было время расцвета государства: Властитель подавил восстание племенного союза тайрон, длившееся ни один год и, тем самым, объединил южные области с землями Севера. Слава шла впереди его армий – многие племена и Роды сами вставали под правящую длань. На новых

землях властитель делал упор на местную знать, чем вызвал тихое недовольство Верхних, рассчитывающих урвать кусок от прибыльных южных угодий. Советники постоянно клянчили для откупа, хоть какой –нибудь городишко, не говоря уж о громадах вроде Абелина и, в конце концов, Властителю это надоело. Многие Верхние расстались тогда – кто со своим положением, а кто и со свободой, остальные притихли, но ненадолго. В недрах столицы стал тлеть заговор, к недовольным советникам примкнули и некоторые воеводы, тоже считавшие себя обделёнными государем. В Новые земли осторожно направляли злыдней, в чьи задачи входило сеять страх и недовольство среди простого люда и пытаться переманить на сторону заговорщиков местных вильетов и их Верхних. Но не все засланные просто распускали слухи и звенели монетами возле колеблющихся. Были среди них и те, кто просто отправлялся туда резать, жечь и грабить, что тоже было на руку заговорщикам. В скором времени путешествие по дорогам, что соединяли север с югом, вновь превратилось в рискованное предприятие. Стала угасать торговля, доходы казны заметно упали и, в этот решающий момент, заговор лопнул как мыльный пузырь – предатели решили вовлечь на свои планы посланника Призрачного архипелага при дворе Властителя. Призрачник внимательно выслушал их, со многим согласился и даже пообещал помощь, после чего тайно направил к владыке своего слугу с полной выкладкой целей изменников и именами тех из них, о ком он успел узнать.

Несколько седмиц в столице калёным железом выжигали даже малейшие признаки крамолы, причём выжигали в буквальном смысле. Заговорщикам накладывали на лоб клеймо раскалённым железом, урезали языки и за бесценок продавали в неволю тем же самым призрачникам. Постепенно порядок был наведён, но оставались злыдни, окопавшиеся в Новых землях. Кто-то из них вёл жизнь обыкновенных разбойников, а кто-то успел пробраться в близкое окружение Верхних, а то и самих вильетов некоторых городов. И вот тут-то рубить с плеча Властитель не мог: не так давно назначенные местные градовладельцы не поняли бы свалившихся на них репрессий. Необходимо было действовать тонко, но при этом и решительно. На охрану дорог были отправлены регулярные войска, разогнавшие крупные шайки грабителей. Движение по Большаку и прилегающим путям и тропам было налажено на какое-то время, одновременно с этим и была создана тайная гильдия Вольных Охотников. Отбор туда вёлся жесточайший, но желающих вступить в неё было много. Неплохое жалование из личной казны Властителя и огромная власть, дающаяся её ратникам, привлекали в гильдию люд из разных народов и сословий. Однако после всех пройденных испытаний гильдией было отобрано лишь несколько десятков рекрутов. Ведь помимо неплохого владения различным оружием, призванные должны были уметь выследить злыдня, какое бы положение он не занимал в обществе. А для этого, порой, сила и ловкость были абсолютно не нужны – требовались ум и знания.

Поэтому записные силачи и лихие, но туповатые рубаки отметались в первую очередь. Многие, особенно имевшие семьи, уходили сами, узнав, что за каждое своё неверное решение член гильдии нёс ответственность не только своей жизнью, но и жизнью своих близких. Других пугала необходимость подолгу отлучаться из родных мест, третьи просто отсеивались, осознав всю тяжесть возложенных на них задач. Оставшиеся и были брошены по следам злыдней.

Обычно вильеты городов или старшие в деревнях сами просили гильдию прислать ратника, указывая на кого пало их подозрение. В зависимости от этого Охотник мог или бродить месяцами по окрестностям, разыскивая хитрого бандита и убийцу, или исполнять роль незаметного слуги в знатном доме. Бывало и так, что член гильдии по приказу свыше, селился в какой-либо местности – не вызывающей доверия у Властителя – и скрупулёзно выискивал мельчайшие признаки присутствия там изменников. Когда же злыдень попадал в расставленные сети, и вина его была доказана, Охотник был вправе выбирать – предать его в руки законников или самому учинить расправу.

Уже через пару лет после неудавшегося заговора с его последствиями было покончено. По повелению Властителя была создана заговорённая Берегиня-нагрудная регалия правящего

дома, символ власти над тремя частями Обители. Цепь олицетворяла собой Южные провинции, с протекающей по ним Вечной Белью, изящная подвеска и вязь на ней – области Севера с их заснеженными равнинами и дремучими лесами, а сверкающий в подвеске небесник, очень редкий драгоценный камень, – Новые земли, в горных отрогах которых его и добыли. Носящему Берегину давали обет верности все без исключения, начиная от ближайших советников и заканчивая жителями самых отдалённых пограничных поселений. Теперь любой заговор считался не простой изменой Властителю, а преступлением против всей Обители, и по задумке должен был вызывать в её жителях ненависть к предателям.

После всех этих событий надобность в Вольных Охотниках отпала, но разгонять гильдию не спешили, ограничив до минимума права её членов. Они стали просто разыскивать воров да убийц и сдавать их местным властям. Оплата их нелёгкого, а порой и опасного труда тоже изменилась. Если раньше Охотник получал жалование напрямую из столицы, то теперь всё зависело от тех же местных властей. Доходило до того, что ратников нанимали для охраны невольников и сопровождения караванов по торговым путям. Ореол значимости и некой таинственности спал, Охотники превратились в обыкновенных наёмников, что строго настрого запрещалось их уставом.

После внезапной кончины Властителя, его наследник усмотрел угрозу в самом существовании гильдии. Действительно, Охотники, оказавшись не у дел, могли сами затеять какую-нибудь возню возле трона, а учитывая их боевую выучку и умение работать головой, были в состоянии совершить дворцовый переворот в мгновение ока – никто бы не успел и опомниться. А на восстание народов Обители против новоявленных заговорщиков, при таком развитии событий, рассчитывать было несерьёзно. В подобном случае проявился бы самый большой недостаток Берегини – надевший её становился единоличным Властителем. Была, правда, надежда на заговорённость святыни, но кто знает, чему обучали этих Охотников в своё время, и кто на самом деле скрывался под их личинами. Поэтому кроме гильдии пострадали и местные маги с колдунами. Нет, никто на них не охотился, их не принуждали забросить своё ремесло, просто каждого, даже самого завалащенького колдунишку из забытой всеми Богами деревни, стали принимать на личную государеву службу, с выплатой жалования и ещё кое-какими благами, при этом ограничив их в свободе применения своих сил. Теперь, одновременно с получением денег, каждый из них обязан был подавать посланцам властителя список тех магических деяний, которые они собирался совершить в ближайшем месяце, а также второй-с тем, что было ими сотворено в месяце прошлом. Короче, даже элементарный вызов дождя или удаление никчёмной бородавки обязательно должны были заноситься в реестр. Для надзора за всем этим была создана Магова община, ставившая на учёт каждого чародея, сверявшая списки и выявлявшая бесконтрольных любителей поколдовать. От всех этих новшеств казна, конечно, просела на какое-то время, но выдержала и, в результате Властитель добился своего – маги даже и пальцем не пошевелили бы приди к ним кто-нибудь с предложением свергнуть государя. Гильдию же решено было упразднить, а немногим оставшимся ратникам выделить по участку земли, желательнее подальше от столицы, что и было сделано. Бывшие Охотники изничтожили свои опознавательные жетоны и разбродились кто – куда, прервав всяческие связи с местом своей бывшей службы.

Гильдию возродила прокатившаяся по северу Обители Погибель. Первый год войны носил локальный характер, гиблые просто совершали набеги на поселения мирных селян, уничтожая их или уводя в плен. Брошенные вдогонку гарнизоны, доходили до холодного моря, где следы гиблых терялись в Стылых Туманах, постоянно стоящих на побережье... А затем гиблые объединились. Во главе их встал Хэн-потомок казнённого когда-то злыдня. Два года армии Лимея, молодого Властителя Обители, сдерживали его натиск, два года Сход Верхних искал союзников в борьбе со страшным и непонятым врагом. Но всё было тщетно – соседи отделялись лишь пустыми обещаниями. На третий год войны, когда гиблые подошли к Эслату,

граду-столице Обители – Лимей решился на отчаянный шаг. Он собрал невольников, дал им оружие и бросил в бой, пообещав свободу. Рабы, среди которых было немало бывших воинов, воевавших в разное время и в разных странах, сотворили чудо. Среди них нашлись меткие лучники, умелые пращники и могучие бойцы, но что самое главное – непревзойдённые стратеги. Назвав себя Падшими воинами, объединив свои умения и различные тактики боя, они создали войско, противопоставить которому Хэн ничего не сумел. Тем не менее, он отчаянно сражался, видимо ожидая поддержки, но его планам не суждено было сбыться. Несмотря на сопротивление, Падшие продолжали наносить войскам гиблых удар за ударом, а когда к армии невольников подошли наёмники Южных земель, гиблые дрогнули и начали откатываться назад к студеным волнам Холодной Пучины. Вскоре их армия окончательно развалилась на отдельные отряды, которые хаотично бежали, спасая свои шкуры. Войско Властителя гнало их до самых Стылых Туманов, которые опять помогли гиблым, укрыв недобитых врагов в своих белёсых клубах. За одним из таких отрядов, в котором, по некоторым сведениям, находился сам Хэн, сгоряча и погнался Лимей. Со своими телохранителями-арлаями, элитой Падших, по еле различимой тропе, он безрассудно кинулся в холодную муть, в неизвестность... Больше его никто не видел. Лишь через два дня к основным силам выползли четверо из умчавшихся с Властителем. Они еле передвигались, с трудом поддерживая друг друга. У них не было сил, но никто не дал арлаям возможности прийти в себя. Войсковые знахари наскоро залатали их, и они предстали перед остальными. Тяжело опираясь на оставленное им оружие, четверо выживших стояли на продуваемом холодными ветрами холме... и молчали. Что они могли сказать тем, чьи надежды на обещанную свободу исчезли вместе с Лимеем? Единственное, чего добился от них Сход командиров – это то, что государя никто из четвёрки не видел мёртвым: он просто пропал. Им не поверили, вернее не захотели поверить. Всем казалось ясным, что они лгут, и правителя нет в живых, а его исчезновение – лишь выдумка, которая оставляла хоть какой-то шанс для Падших в их стремлении обрести волю. Но если выжившие уверены в обратном, что же – пусть отправляются на поиски: так постановил Сход. Сразу приговорить уцелевших к смерти командиры не смогли, это были их боевые товарищи, с которыми приходилось сражаться бок о бок, а кое-кто из Схода был обязан им жизнью. Направленными в спину пиками, их, еле плетущихся, загнали назад в Туманы, лишь ненадолго отсрочив неминуемый конец. Арлаев даже не стали ждать. Большая часть войска почти тут же повернула назад к столице, надеясь, что Совет Верхних сдержат обещание, данное пропавшим государем. С ними ушли и наёмники, которых в Эслате ждало вознаграждение, а остальные, ни на что уже не рассчитывая, разделились на небольшие группы и решили самостоятельно пробираться в родные места.

Однако, за то время, пока бывшее войско государя пылило по дорогам Обители назад к стенам столицы, многое изменилось. Весть о том, что Падшие возвращаются одни, без Властителя достигла Эслата гораздо быстрее них. По пути, в небольшом придорожном селении Дворки, остатки армии встретили посланцы Совета. Собрав командиров прибывших и заверив в том, что Верхние с нетерпением ждут прославленных воинов для решения их щекотливой проблемы, они посоветовали им как можно скорее добираться до столицы. Но отягощённое обозом и ранеными войско, не могло идти быстрым маршем. Оттого-то и было принято судьбоносное для Падших решение. Оставив в Дворках свою армию, командиры невольников помчались на встречу с Советом. Для остальных посланцы закатили небывалый пир. Во время этих гуляний произошло то, что в народе прозвали Резнёй рабов. Потерявших бдительность воинов поили отравленным вином и подавали отравленную же снедь. Тех, кого не отправлял на небеса яд добивали наёмники, которым посланцы посулили щедрую награду. Лишь несколько десятков Падших сумели спастись. Об уехавших же в столицу командирах с тех пор никто не слышал. Ещё через две седмицы, дядя Лимея Фадин, объявил себя регентом. Первым же указом Фадин обвинил Падших в измене. Они становились вне закона, а залитые кровью и покинутые жителями Дворки, люд стал объезжать дальней стороной.

Вот тогда– то и вспомнили о Вольных Охотниках. Гильдию набрали заново, вернули часть привилегий и отправили новых ратников на поиски уцелевших рабов. В обязанности Охотникам также вменили поимку гиблых, ещё укрывающихся в лесах и оврагах Обители, да и ловлей обыкновенных преступников члены гильдии не пренебрегали–за это тоже неплохо платили.

И теперь одна из ратников сидела напротив Лохмотя, изучавшего гильдийский свиток с подтверждением полномочий Охотника. Руки его слегка подрагивали, ведь подняв взгляд на эльму, он в буквальном смысле мог посмотреть в лицо своей смерти. Но гостья не предпринимала никаких действий, направленных против посланцев Рыжеблуда, находившихся в пределах её досягаемости. Она не звала грайса, не бряцала оружием и даже, на худой конец, не посылала никого за стражами. Она просто сидела, подперев рукой голову, и по её усталому лицу невозможно было понять, о чём она думает.

– Парни, ложная тревога,– довольный Лохмоть закончил читать и протянул свиток через стол его владелице,– у неё нет дозволения нашего вильета на Охоту в здешних местах...

– Мне что теперь, за ним в столицу шлёпать? – огрызнулась эльма, не меняя позы. – Ваш вильет должен был оставить его для меня, но видимо так торопился облобызать морщинистую руку регента, что забыл всё на свете.... Но ты, Лохмоть, не торопись радоваться, – она резко наклонилась к доверенному: – Насколько я знаю, большой власти вильет в Заводи не имеет, так что есть ли его дозволение, нет ли...

– Не пугай, Охотник, – Лохмоть даже щелкнул пальцами от избытка чувств, – ты же не знаешь, с чем вильет вернётся от регента,...а если он откажется от твоих услуг? За своё самовольство не один посланник гильдии головой ответил, я не прав?

Эльма в раздумье покачалась на табурете:

– Ну, хорошо, будем дожидаться вестей из столицы. А пока, я думаю, нам пора расстаться... хотя бы на время. Да, и учти Лохмоть, если в твоей голове созреет некий план пристукнуть меня где-нибудь в тёмном уголке, не забудь две вещи: во– первых вильет может знать, что Охотник–эльма, и подсунуть ему кого-то вместо меня вряд ли выйдет, во-вторых владелец пристани находится в Абелине, и он может пожелать разобраться в том, что сейчас здесь творится. Для этого и его дозволения хватит, не находишь?

Лохмоть изобразил на лице абсолютное недоумение и даже покрутил пальцем у виска, показывая, как он обижен таким недоверием со стороны гостьи, а вот Детинушка огорчённо вздохнул, его «блестящая» со всех сторон задумка была раскрыта в самом зародыше.

– Ладно, пойдём, – забрав своих подельников, Лохмоть направился было к выходу, но внезапно остановился, переглянулся с сотоварищами и все трое уставились на эльму.

– Ну что ещё? – гостья явно хотела отдохнуть и топтавшиеся у двери троица начала её раздражать.

– Кошак, – брякнул Детинушка и почесал зад. – Не выпустит, – добавил он, немного подумав.

– Да чтоб вам... – эльма встала из-за стола. – Все за мной, – и она уверенно направилась к выходу. За её спиной образовалась небольшая давка. Лохмоть, Детинушка и Крючок проявляли чудеса вежливости, пропуская друг друга вперёд: желания встретиться с грайсом даже в присутствии его хозяйки ни у кого не возникало. В конце концов, доверенный просто надавал пинков многострадальному Детинушке и вытолкал его на крыльцо, где уже стояла эльма, терпеливо дожидаясь остальных. Касам с Грошиком тоже вышли посмотреть поближе на страхолюдинку, с которой им, похоже, предстояло делить кров и пищу.

– Гарлин,– гостья поманила грайса к крыльцу, не обращая внимания на энергичные жесты Лохмотя, намекавшего на то, что кота надо опять запихать в повозку и дать им спокойно покинуть двор Касамовой кашеварни. Грайс потянулся, грациозно выгнув спину, и направился

к ней. Подойдя он остановился, глядя на оробевшее сборище, после чего перевёл взгляд холодных зелёных глаз на хозяйку.

– Не трогать! – эльма указала на стоящих за спиной. – Вот и всё, – она повернулась к нечаянным зрителям. – Он и так бы вас не съел, – устало усмехнулась она, – а уж теперь... Вот ты, – она указала на Детинушку, – хочешь помириться с ним?

Детинушка отчаянно замотал косматой башкой, но Лохмоть уже подталкивал его навстречу спокойно стоящему грайсу. Вытянув вперёд дрожащую руку, Детинушка потихоньку стал спускаться с крыльца, как ему казалось прямо в лапы когтистой смерти. Всё было спокойно, но тут одновременно произошли три вещи. Видимо долгое сидение в повозке без общения подвигло кота на желание поиграть. Он уселся на мохнатые задние лапы, а передними потешно замахал в воздухе перед лицом опешившего громалы. Детинушка отпрянул назад, попав ножицей в лохань с помоями, стоящую у крыльца. Поскользнувшись, он полетел на землю, по пути задев головой, тревожно звякнувший колоколец. Грайсу так понравилось всё происходящее, что он, выгнув спину, как заведенный запрыгал по двору, приглашая Детинушку погоняться за ним, но у того было совершенно противоположное желание. Громко охнув, подручный Лохмотя встал на четвереньки и буквально проломился через бранник, окружавший двор «Сивоусого Сома». Вылетев на широкую, но заросшую тропинку, он упал в траву и, посчитав, что его не видно, быстро пополз за ближайший угол. Со стороны казалось, что небольшой холмик на дороге вдруг решил поменять своё местоположение. Картину дополняли ленточки на штанах Детинушки, напоминавшие колышущуюся ветром траву. Грайс погнался было за ним, но добежав до прорехи в изгороди, остановился и вопросительно посмотрел на хозяйку. Эльма отрицательно качнула головой и взглянула на Лохмотя.

Тот только досадливо махнул рукой и решительно спустился с крыльца. Он спокойно пересёк двор, сопровождаемый шипением грайса, и, задержавшись у воротинки, вделанной в заросли бранника, поманил пальцем Крючка. Немного помявшись его второй подручный мелкими шажками, направился к нему, демонстрируя несвойственную выправку – будто кол проглотил. Расслабился он, только оказавшись за спиной Лохмотя. Доверенный ткнул его в бок, и они направились вслед за уползшим с виду Детинушкой и укатившей ещё при первом появлении Гарлина телегой.

– Да, Лохмоть, – крикнула эльма вслед, – грайсы звери ночные, так что добро пожаловать, если что!

Доверенный сделал вид, что не расслышал, и они с Крючком, ни разу не обернувшись, исчезли на спуске к реке, откуда на Заводь уже надвигалась тяжелая туча, поднимая пыльные вихри и скрывая весёлый блеск речных струй.

В едовой было тихо, только дождь монотонно стучал по крыше. Основная гроза уже отбушевала над кашеварней и унеслась в сторону Абелина. Грайс неожиданно для всех сразу проникся симпатией к Фильту, позволил тому проводить себя в хлев, где прекрасно устроился рядом с мулом, обгрызая огромный рыбий хребет, который откуда-то приволок немой. Там больше никого не было, свою единственную анопу, тягловое животное, размером побольше мула, Касам перевёл в сарай с инвентарём, благо места в нём хватало.

Грошик давно уже помог эльме перетащить вещи из повозки в отведённую ей комнату, где она смогла переодеться и привести себя в порядок, а Одноухий всё также молча сидел в едовой. Лишь при появлении эльмы он засопел, и уткнулся в кружку, стараясь, лишней раз не сталкиваться с постоялицей взглядом. Он уже сказал ей слова заповеди и теперь, прихлёбывая вино, терзался сомнениями. Да, присутствие в кашеварне Вольного Охотника, несомненно, придавало вес заведению и сулило определённую выгоду в будущем. Посмотреть на живого Охотника и его ручную зверюгу наверняка нашлось бы много желающих. Не стоило сбрасывать со счетов и тот факт, что ни один из заезжих или местных лиходеев теперь даже близко

не подойдёт к кашеварне, не то, что надумает покопаться потихоньку в хозяйских сундуках. Но с другой стороны кто согласится жить под одной крышей с эльмой? Последний постоялец сбежит, лишь только узнает о столь неприятном соседстве. Нет, не зря варщик сегодня ещё с утра попросил лекаря не спускаться в едовую, объяснив эту просьбу нежеланием присутствия постояльца при своём унижительном торге с людьми Рыжеблуда. Выйти на улицу знахарь прекрасно мог через скотник, а еду кухарка относилась ему в комнату.

От этих раздумий Касам совсем сник. Он вдруг вспомнил, что так и не договорился с Лохмотем о размере выплаты Рыжеблуду, хотя теперь, с появлением новой постоялицы старший мог и пойти на уступки, учитывая статус гостя. Немного прибодрившись, Касам потянулся за кувшином, чтобы плеснуть себе ещё кружечку. Неожиданно он почувствовал, что кто-то тронул его за плечо.

–Нальёшь мне варщик? – эльма стояла вопросительно глядя на хозяина кашеварни. Касам молча пододвинул кувшин ближе к её локтю и стал подниматься, с намерением отойти в сторону.

–Постой, – эльма потянула Одноухого за рукав. – Ты думаешь, я не понимаю, какие неудобства я тебе создаю? Скажу честно, я не выбирала твою кашеварню нарочно. Ну не знала я, что пристань бездействует, клянусь, не знала! А теперь...видимо придётся остаться. Ведь если стараться не мозолить глаза – лучше твоего заведения, даже если захочешь, не найдёшь. Сам подумай, «Сом» стоит в стороне и от него ближе всего к пристани, однако без зазывалы его не отыщешь. Ты даже не вывесил вымпел на гостевом шесте...

–А зачем? – перебил её варщик и махнул рукой. – Тебя вон и безо всяких вымпелов занесло. А увидит его купец заезжий или барн какой надутый, припрутся к зазывальному столбу узнают, что да как...И заывале затрецин надают, и сюда могут наведаться,...и буду я на старости лет выслушивать, какой хозяин кашеварни пройдоха и лгун. Да, согласен, всякое у меня было: и покражи случались, и живность сводили со двора, но вот обманывать постояльцев...такого никогда...

Касам даже горделиво выпрямил спину, говоря последние слова.

–А зазывалу... что ж ставлю... жаль всё это, – Касам обвёл рукой едовую. – Более двадцати лет кашеварю, с той поры, как вот эта самая тварюга, – он показал на чучело, висевшее на стене, – разбила в щепки нашу плоскодонку. После этого река для меня закрыта, плавать боюсь, представляешь, хоть на лодке, хоть так... гляжу в воду, и мерещится мне эта рыбина, а в пасти у нее – моё ухо...

–Успокойся...я же тебя в реку не тащу, – эльма отхлебнула из кружки, удивлённо прищурила глаза и удовлетворённо хмыкнула.

–Неплохое вино, варщик, – она сделала ещё глоток, – откуда такая роскошь?

Касам надулся:

–Ты что ж считаешь, что если дела у меня плохи, то мне на всё и наплевать? Вино сам делаю, вот с провиантом плоховато, рыбу давненько не ловим, покупать больно не на что, да и стряпуха у меня... – он понизил голос и покрутил в воздухе рукой.

–Ничего, – эльма тоже зашептала, заговорщицки подмигнув Одноухому, и повторила его жест, – я тоже не привереда.

–Великая Рыбина, ты ж голодная у меня,-спохватился Касам,-сейчас...сейчас...эй, кто там на кухне, ужин гостю, да вина ещё кувшин...или как? Угощу тебя от души, ты ж у меня первая постоялица за столько времени...да боюсь, что и последняя...

Весь запал варщика исчез, будто ветром сдуло. Он опять вспомнил про свой долг старшему и уныло посмотрел в опустевшую кружку.

–Наслышана я, – эльма пододвинула Касаму свою, – зазывала дорогой рассказывал кое-что. Да и гостей видела, – усмехнувшись, добавила она.

–Грошик-то, этот да, переживает малой сильно, пообвыкся он тут,...честно говоря, и я к ним с тёткой привык,– Одноухий поднял указательный палец. – Во...спасибо напомнила, мне ж ему сказать надо кое– что... Грошиик! – Касам завопил так, будто кто-то откусывал ему второе ухо. – Он наверху сидит обычно, у знахаря нашего, – объяснил он своё поведение эльме. – Тот его привечает, то подкормит чуток, то безделицу подарит, какую, а я и не против, всё лучше, чем по задворкам вечерами шататься. Тронуть то его тут вряд ли кто додумается – Детинушка потом голову оторвёт – а вот набраться всякой пакости, хотя бы от того же Детинушки, вполне может. Да и тётке его так спокойней...

Пока варщик всё это рассказывал, наверху застучали дробные шаги, и запыхавшийся Грошик буквально скатился по лестнице.

–Ты вот что Грошик, завтра к столбу не ходи,...подождём. Надо и с Рыжеблудом дела порешать, да и новые постояльцы, даже если и появятся...гм, – он смущённо посмотрел на свою соседку.

–Вряд ли пойдут жить под одну крышу со мной,– закончила за него эльма, ничуть не рассердившись на варщика за допущенную бестактность.

–Вот-вот, – смущённо проговорил Касам. – А ты, малой, сходи-ка завтра на реку. Может и наловишь чего, кормить то нам постояльцев надо, их теперь много у нас,– захихикал варщик.

Эльма тоже улыбнулась, а вот Грошик стоял белый как полотно и умоляюще смотрел на хозяина кашеварни.

– Что с тобой? – улыбка моментально сползла с лица гостя. – Что-то не так?

–Да, – скорее прошептал, чем проговорил Грошик, – грайс... Мне придётся встать очень рано, а он во дворе...как я пройду...?

–Пойдём, – устало вздохнувшая эльма взяла Грошику за руку и повела во двор. Дождь перестал, уже сгущались сумерки, далёкий лягушачий хор надрывался где-то на берегу, и вечерняя речная свежесть чувствовалась в воздухе, заставив Грошика зябко поёжиться.

А вот грайс чувствовал себя превосходно. Жара спала, рыбий хребет оказался очень вкусным (он даже припрятал немного, убедившись, что стоящий рядом мул не покусится на его запасы), а теперь ещё и хозяйка вышла к нему с каким-то маленьким двуногим. Нет, этот нам не нужен, давай того, большого, с ним так весело...

Всё это кот объяснил эльме пофыркиванием, трущейся об хозяйку спиной и катанием по земле у её ног.

–Ну хватит, хватит, – постоялица потрепала грайса по мощному загривку, – опять потом вычёсывать с твоих боков грязные комки. Вот, знакомься – это Грошик, он мой друг и живёт здесь.

Кот внимательно выслушал хозяйку, посмотрел на мальчугана и – Грошик мог поклясться, чем угодно – быстро кивнул. Затем он просто подошёл к оторопевшему зазывале, положил свою тяжёлую голову ему на руку и застыл, явно чего-то ожидая.

–Ну что стоишь? Погладь, – шепот эльмы вывел Грошика из оцепенения, и он осторожно положил другую руку между торчащих ушей грайса. Шерсть зверя была жёсткой, где-то даже колючей, от неё пахло хлебом и мокрым песком, но Грошик самозабвенно гладил её, жалея лишь о том, что никто не видит этого события.

–Да – а, – хрипло протянул Касам, вышедший за ними во двор. – Вот уж друг, так друг, ...а меня уважишь? – он протянул руку и вопросительно посмотрел на эльму. Та кивнула, и варщик стал поглаживать кошачий бок. Грайс терпеливо стоял, ожидая, когда это им надоест. Он правильно понял свою хозяйку, они её друзья, но она не сказала «наши». А значит надо держать ухо востро.

Потрепав грайса и оставив его на ночном дежурстве, все вернулись в дом, где Касам с недоумением уставился на пустой стол.

– Не понял, – протянул он неприятным голосом, в котором явственно проскользнули металлические нотки, – это что за...

– Вечер добрый, – из-за перегородки, скрывающей кухню, вышла пожилая женщина, в лице которой угадывалось еле уловимое сходство с Грошиком. – Извини барн Касам, повечерять нечем, Ракушка отказалась готовить для...новой постоялицы. И вообще завтра утром она уходит, если ты не откажешь гостье в постое. Она даже готова заплатить ей...

– Пусть проваливает, – разгневанный Касам пнул ногой подвернувшийся табурет, – невелика потеря, справимся! Арая, ты сможешь похозяйничать на кухне? – он смотрел на женщину, ожидая её ответа.

– Справиться можно, ничего нет сложного, да и едоков у нас сейчас немного, но вот снесь... – она смущённо улыбнулась.

– Что, снесь, – не понял Касам, – вся разом стухла что ли?

– Если бы, – ещё одна смущённая улыбка скользнула по лицу Арай, – её попросту нет. На торговщице уже два дня не ходили...не с чем.

Касам только крякнул и виновато развёл руками. Деньги были, но пустить даже малую толику на продукты, значит не заплатить Рыжеблуду. Ему стало невыносимо стыдно, грозился отличным ужином, а вышло...

– Хм...проблема, – эльма задумалась, но лишь на мгновение: – Ужин будет...Грошик, ты помнишь, куда поставил заплечный мешок, тот, с кожаными завязками?

– Помню, барна эльма, – слова вырвались сами собой и Грошик чуть не прикусил язык. Вот уж умудрился – связал несвязуемое. Однако все рассмеялись, и ободрённый Грошик понёсся к комнате постоялицы. Пока он бежал, его тётка – а в том, что это Грошикова родня у эльмы не было ни капли сомнения – зажгла лампу, быстро накрыла стол скатертью и поставила на неё кружки и кувшин с так понравившимся гостье вином.

– Всё, – она разгладила скатерть, – больше ничего нет...

Эй, а орешки, ну помнишь, мне их привёз зареченский капитан? – прибодрился Касам. – Они как раз к вину. Неси, чего стоишь-то?

– Их тоже нет...

– Куда ж они делись? – Касам недоуменно стал осматривать едовую.

– Лохмоть сожрал, – крикнул от лестницы Грошик, – и не подавился, гад!

За разговором никто и не заметил его возвращения. Он подтащил ношу к эльме, бухнул её на пол и вопросительно посмотрел на гостью. Та поставила мешок на колени и, покопавшись в нем, извлекла на свет несколько тёмных приятно пахнущих пластинок.

– Вот. Угощайтесь, – она широко развела руки, приглашая всех к столу, – сколько их тут у меня... семь, а нас четверо, можно ещё кого-нибудь пригласить!

– Ну если не против можно позвать Куна, знахаря нашего, – запинаясь проговорил варщик. Ему казалось, что он бредит... мало, того что его в его же кашеварне кормит постоялица, так он ещё и осмеливается приглашать других поесть за её счёт. Но он ничего не мог с собой поделаться, слова вырвались помимо его воли, и он лишь пристыженно наклонил вниз голову.

– Зовите, зовите, – эльма ловко отделяла пластинки одну от другой и протягивала их всем окружающим.

– Его нет, он ушёл к больному в город, вернётся только утром, – Грошик так и стоял у стола, глядя на тёмный прямоугольник, выделенный ему доброй гостьей. Он знал, что это такое. Высушенная косточка ратайи, дерева-гиганта северных чащоб, пользующаяся постоянным спросом у знающих людей. Для начала нужно было найти в лесу, среди множества подобных, плодоносящий экземпляр. Затем каким-то образом сорвать плод (он у ратайи обычно один, правда, соответствующего размера), вытащить его из чащобы – частенько шугая назойливых эльфов – разбить, найти внутри две-три косточки. Потом размять их, полученную кашницу уложить в формы, смешав с небольшим количеством горного мёда и, наконец, долго вялить

всё это под лучами светила. Да ещё нужно знать, когда идти на сбор, косточки были мягкими только в самом начале созревания и лишь тогда поддавались обработке. Стоило лакомство немало, но очень сытные и долго не портящиеся *таблетки*, были просто незаменимы для путешественников, моряков, солдат или Вольных Охотников, коим эльма и являлась. Касам порой покупал такие, в прошлом, когда дела в кашеварне шли отлично.

–Что же ты не ешь, Грошик? А ты, Арая? Или вы ещё с прошлого года закормленные? – эльма недоуменно смотрела на родственников.

–Нельзя... в едовой нам за одним столом с постояльцем нельзя, – спокойно проговорила Арая, – даже если он сам позовёт. Мы возьмём с позволения барны, и съедим потом... у себя...

–Ещё чего! Варщик тебе не кажется... – она не договорила.

Одноухий махнул рукой:

–Все за стол...и так никто не поверит, что сидим рядышком ...

С выродком, – улыбнувшись, дополнила эльма.

–Ну, да, – ничуть не смущаясь, продолжил Касам, – причём он нас ещё и кормит!

После этих слов, все они, включая, позванного Грошиком немного, смеясь и переговариваясь, принялись за нехитрый ужин.

–Ничего так, – Касам проглотил последний кусочек, – но постоянно таблетку жевать не будешь, кишки засохнут. Малой, ты про утреннее рыбальство не забыл ещё? Наловишь чего ничего, что б хоть на день хватило, а потом вон Фильту поможешь бранник переплетать...ну там, где Детинушка проскочил и....

–Тсс, – эльма приложила палец к губам: – У нас, похоже, гости.

Она внимательно прислушивалась к чему-то, происходящему за пределами дома. Касам вопросительно посмотрел в окно, но разглядеть там что-либо было невозможно. Густая южная ночь рухнула внезапно, как и бывало в этих краях, и во дворе стоял непроглядный мрак.

–Ты что-то услышала? – невольно прошептал варщик, переведя взгляд на эльму. Та нетерпеливо тряхнула головой и застыла, вся обратившись в слух. В едовой возникла напряжённая тишина, лишь горящая лампа порой издавала шипящий звук, да спрятавшийся на кухне пылевой жук, наигрывал свою монотонную мелодию.

–А всё-таки он упорный, – неожиданно рассмеялась постоялица. – Вот только туповат, похоже...

За стеной раздался грохот помойной лоханки, буквально тут же прозвучал жалобный звон колокольца, и всё увенчало громкое оханье. Фильт вскочил на ноги.

–Сидеть! – удержал его Одноухий, после чего спокойно отхлебнул вина и немного посмаковав, продолжил: – Судя по набору звуков – это Детинушка. Как драпать отсюда он уже знает, главное, чтоб впотьмах умудрился в ту же самую дыру попасть, а то прибавится завтра работы...если конечно зверюга его не того...

–Не того, – передразнила варщика эльма. – Ваш Детинушка Гарлину чем-то приглянулся, он его забавляет. Так что можешь быть спокоен, кучки обглоданных костей утром на дворе не предвидится. А теперь, дорогие хозяева хотелось бы отправиться на боковую. Устала я за сегодня, да и завтра денёк, похоже, ещё тот предстоит.

– Проводи гостью, – засуетился Касам, выпихивая из-за стола немного разомлевшего Грошика. – Да и сам спать вали, продрыхнешь ловлю, самого на обед варить придётся.

Грошик кивнул и, подхватив мешок постоялицы, направился было к лестнице.

– Погоди, – эльма остановила его, – вот мой плащ, накинешь его, когда к реке пойдёшь. Хоть и южные места, а по утрам у воды всё одно прохладно.

Грошик насупился:

– Зря барна так говорит. В сарае у нас найдутся и накидка и водоступы. Рыбалим мы только последнее время редко...недосуг всё. И ещё, – у мальчугана вдруг загорелись глазёнки, – можно я кота с собой возьму?

Эльма улыбнулась, так умоляюще смотрел на неё Грошик. Присев возле него на корточки, она сказала:

– Можно то можно, вот только не надо пока что бы Гарлина видели лишние глаза.

Она выпрямилась и потрепала Грошика по макушке:

– Да и вернёшься ты в таком случае без улова, – ещё раз улыбнулась эльма. – Гарлин же всё сожрёт, что ты поймашь... А запретить ему ты не сможешь, не послушает он тебя. Вы ж только недавно познакомились. Как – нибудь потом, хорошо?

– Хорошо барна, – Грошик вздохнул и стал подниматься по лестнице.

– Да и ещё... прекратите называть меня барной, – эльма обращалась сразу ко всем. – Меня зовут Юллин.

Произнеся последнюю фразу, она заторопилась за Грошиком. Скоро наверху раздались её уверенные шаги, затем скрипнула комнатная дверь и всё стихло. У «Сивоусого Сома» появилась новая постоялица.

Знахарь

Вставать рано, Грошику было не привыкать. Поэтому, когда первые, ещё призрачно дрожащие полоски зари появились на горизонте, он давно уже был на ногах. Выйдя к сараю через заднюю дверь, он деловито собирался на ловлю: выбрал самые маленькие водоступы, из груды удочек взял одну тяжую и парочку полегче. Обойдя сарай, ковырнул небольшую кучу перегноя и набрал в старый плетенец лениво расплзающихся пылевых жуков для наживки. Вернувшись, напялил старую, продранную местами накидку Касама. Подогнул рукава и ещё успел угостить остатком таблетки анопу, обалдевшую от такой щедрости.

Ещё с вечера Грошика мучил один вопрос – почему их анопа не боится кота, который был хищником по своей природе? Малышка должна была уже давно помереть со страху, или, по крайней мере, орать без остановки. Ладно, мул, тот видимо у эльмы уже давно, и она приучила их с котом жить мирно... Занятый думками, он закрыл дверь сарая на засов и направился к воротинке. Выйдя со скотника во двор, он встал как вкопанный, так поразила его открывшаяся картина.

Лёгкий, предутренный туман ещё полз потихоньку над землёй, лениво собираясь у крыльца, ограды из бранника и гостевого шеста, почему – то согнутого в дугу. Грошик сделал небольшой шагок вперёд и чуть не закричал от ужаса. На тонком конце, пониже того места, где привязывают вымпел, виднелась какая-то бесформенная тёмная грудка, омываемая туманом. Порой она покачивалась верх-вниз, из-за чего шест угрожающе потрескивал. Но уж совсем стало жутко, когда откуда-то из перепутанного черно-белого клубка тихо раздалось его, Грошиково, имя.

– Грооошик, Грооошик, – постанывающий голос приковывал к земле и одновременно звал к себе. Мальчик задрожал всем телом. Но тут ужас, висящий на шесте, выдал громким шёпотом такую тираду, от которой даже у выдавших виды приречников засвербило бы в ушах.

..... в глотку! – наконец закончило висящее пугало и судорожно вздохнуло.

– Детинушка, это ты? – всё ещё не веря себе, тоже негромко спросил мальчуган.

– Я, – шепнуло пугало.

– Ты что тут делаешь? – Грошик подошёл ещё на пару шагов.

– Прячусь, – горестно сообщил Детинушка, – от кошака. Ты смотри не подходи ближе, он где-то тут недалеко в засаде сидит.

С реки подул ветерок и разогнал сгустившиеся у шеста клубы тумана. Грошик не удержался и прыснул. Засада у кошака была, причём прямёхонько под висящим Детинушкой. Мало того, встав на задние лапы, грайс без труда бы дотянулся до громилы, но он лишь изредка поглядывал вверх.

– Детинушка, ты до ветра хочешь? – еле сдерживая смех, спросил Грошик.

– Хочу, – вздохнул Детинушка, – давно уже...

–Ты тогда вниз не смотри...

–А я и не смотрю, – Детинушка вздохнул ещё раз, – я боюсь, когда высоко.

Тут уж Грошик не выдержал. Выронив снасти, он прижал обе руки ко рту, и буквально начал давиться, прорывающимся сквозь них хохотом.

–Тише, – умоляюще попросил Детинушка, – кошка услышит. Ты б смотался за эльмой, а? Пусть зверюгу подержит, пока я со двора сбегу...

–Не могу,– отсмеявшийся Грошик показал на снасти. – Видишь, рыбалить иду, в кашеварне шаром покати, а кормить постояльцев-то надо.

–Я тебе потом рыбы принесу...много, ну сбегай, жалко, что ли?– в голосе громилы зазвучали просительные нотки, которых Грошик никогда раньше у него не слышал. В принципе Детинушка был не сильно вредным. Подобранный Лохмотем, за свою громадную силу, он никогда не отличался жестокостью. Да и мощь свою он демонстрировал крайне редко, достаточно было и нахмуренных бровей, чтобы тот, на кого указывал Лохмоть, сразу соглашался на все уступки. Он обожал местную ребятню, мог часами возиться с ними строя очередной плот, а как-то спас, провалившуюся в тину Касамову анопу, просто схватив её за задние ноги и одним рывком выдернув из грязи.

Поэтому Грошик и терзался в раздумьях. С одной стороны, перед ним маячил призрак трёх затрещин, которые ему могли надавать: во-первых, рано разбуженная Юллин, во-вторых, тётка, надеявшаяся на пойманную рыбу и в-третьих, сам Одноухий за всё про всё. С другой – увести от Детинушки грайса могла только хозяйка...или не только? Грошик аж вспотел от пришедшей в его голову задумки, «...не послушает он тебя,...недавно познакомились...» – слова Юллин так и звучали в голове, когда мальчуган подходил к коту. Он погладил Гарлина и, зажмурив глаза, обхватил руками его мощный загривок, после чего сделал шаг в сторону, потянув страхолюдинку за собой. Грайс высвободился и взглянул Грошику в глаза.

– Ну пойдём, пожалуйста, – мальчик мысленно уговаривал кота. Посмотрев на Грошика ещё немного, зверь прищурился, встал, лениво потянулся и направился следом за Грошиком в сторону хлева. Всё было бы хорошо, но Грошик не учёл, что теперь они попали в поле зрения висящего Детинушки. Не мог он предвидеть и того, что произошло потом.

–Грошик...сзади!!! – отчаянный крик Детинушки нарушил раннюю тишину. Грошик ещё только поворачивался, только поднимал руку, чтобы его успокоить, а Детинушка уже рванулся на угрожающее закачавшемся шесте. Долгое ночное сидение на нём сыграло с верзилкой злую шутку. Обхватывающие шест руки и ноги застыли и отказывались подчиняться. Детинушка недоуменно посмотрел на них и рванулся ещё раз. Шест не выдержал. Треснув почти посередине, он с силой приложил весь Детинушкин вес к утоптанной земле двора. Но звук удара был ничем по сравнению с воплем боли, раздавшимся на всю округу.

В кашеварне захлопали двери и раздались встревоженные голоса. Выскочившие на крыльцо Касам с эльмой, увидели лежавшего на земле в обнимку с деревяшкой огромного верзилу и плачущего рядом с ним Грошика. Грайс, тревожно метавшийся от одного к другому, увидев хозяйку, остановился и опустил голову, будто прося прощения.

– Неплохое начало дня,– протянул опешивший варщик и, заправив в наспех напяленные штаны ночную сорочку, спустился с крыльца.

Охающий Детинушка в рыбацкой Касамовской накидке, сидел на табурете у окна. Арая и Юллин суетились, готовя целебные примочки. Вид у пострадавшего был ещё тот, а после того как Касам с Фильтом, поднатужившись буквально выдрали остаток шеста из крепких объятий громилы, его руки и ноги просто были усыпаны порезами и ссадинами. Грошик коротко обскавав случившееся, всё же умчался на реку, предварительно накинув на могучие плечи Детинушки свою накидку – светило уже припекало, и в ней отпала нужда. А вот верзиле наоборот

она была необходима – после принудительного расставания с шестом его одежда превратилась в рваньё.

– Нет, ну на кой нам эта напасть, – Касам сидел за одним из столов, наблюдая за суматохой. – Отправили бы его восвояси, да и дело с концом. От него ж одни убытки, – стал загибать пальцы варщик. – Изгородь продырявил – раз, шест сломал – два, рыбу из-за него не наловили – три, да и здесь всё кровью изгадит...

– Не ругайся, хозяин. Судя по рассказу Грошика, он его спасти хотел, – попыталась вступить за бедолагу Арая. – он же не думал...

– Он вообще не думал, судя по всему, – проворчал варщик. – Нет, ты объясни нам, обалдуй этакий, как тебя на шест-то занесло?

– Быстро, – тут же ответил «обалдуй». – Очень... И, поморщившись от боли, стал рассказывать.

Оказывается, с позором покинув первый раз двор кашеварни, далеко Детинушка не уполз. Спрятавшись под разбитой телегой «...ну, которая, там, за мостками...», он тяжело переживал своё бегство. Сильно надеялся, что Лохмоть с Крючком его найдут, но никто не пришёл. И тогда он решил ночью пробраться назад во двор и поискать своих друзей. Пролез через дырку, что проделал утром и долго осматривался. Кошака нигде не было, и он пошёл на крыльцо. А там-то как раз кошка и сидел! Детинушка стал отступать, и повторилась дневная история, только кошка теперь перекрыл дырку, и удрать не получилось. На четвереньках Детинушка пополз назад и уткнулся в шест, ... дальше он помнит плохо, только то, что его сильно мутило, и он очень боялся упасть, а позвать на помощь ему и в голову не пришло...

– А ещё тебе в голову не пришло, что коты очень неплохо лазают по деревьям! – раздался уверенный голос от порога. Увлечённые рассказом, скорее даже формой его изложения, никто и не заметил появления нового лица. Худощавый мужчина, улыбаясь, стоял у двери и с видимым интересом слушал горестное повествование Детинушки.

– Моё почтение, знахарь Кун, – стал подниматься с табурета Касам, но пришедший только махнул рукой и тут же буквально подлетел к раненому.

– Так... угу... гм..., – он осторожно рассматривал кровоточащие ссадины, – интересно... Это кот его так?

– Это палка, – сообщил Детинушка. Было видно, что он страшно рад появлению знахаря.

– Ага... – пришедший попытался разжать руки верзилы, но добился только нескольких бранных слов, невольно сорвавшихся с Детинушкиных губ.

– Всё понятно. Арая, эти примочки отложи в сторону, они от глубоких ран, а нам надобно...

Он перекинул сумку, висящую на его плече, порылся в ней и достал небольшую склянку с жидкостью чёрного цвета.

– Настой прилипы... вот, что его спасёт! – он гордо потряс микстурой. Эльма явно расслышала в его словах усмешку, но продолжала наблюдать за знахарскими манипуляциями. Осторожно открыв пузырёк, Кун схватил чистую тряпочку, которыми Арая перевязывала раны, капнул на неё несколько раз и быстро приложил к ближайшему порезу.

Рёв, изданный громилой, переполюшил даже ковырявшегося на скотнике Фильта.

– А что ты хотел, мой друг? – Кун ловко промокнул ещё две ранки, не обращая внимания на вопли пациента. – Да пожёт, конечно, но это для твоего же здоровья...

– Выведи ты его во двор, – взмолился Касам, – боюсь, последнее ухо оглохнет! И главное задницу ему смажь, там тоже порезы должны быть... ещё вчерашние...

– Вот как? – знахарь уставился на Детинушку. – Никогда бы не подумал, что такой... исполин... может бояться простых котов.

– Ага, – простонал раненый, – смотри сам в штаны не наделай, когда его увидишь! Я вот не наделал! – последние слова были сказаны с явной гордостью.

–Ничего не понимаю, – Кун недоуменно посмотрел вокруг. – Может мне кто-нибудь объяснит...

– Да от грайса он драпал, – усмехнулся варщик, – не слышал вчера, что Юллин его подельникам сказала...первым со двора смылся.

–Грайс?!– Кун даже подскочил. – Грайс на свободе?!– Вы что тут с ума посходили что ли? Если эту зверюгу не поймать, она же здесь такого натворит...А Грошик? Где Грошик? Он что, не в доме? Надо срочно его найти, может ещё не поздно...

– Да не трепыхайся ты, – Касам дёрнул знахаря за полу его пыльника, – один вон уже мальчишку «спас», – он кивнул головой в сторону продолжающего охать Детинушки, – теперь сам видишь...

– Ты хочешь сказать, что эта орясина пострадала в схватке с грайсом? – Кун рассмеялся и с видимым облегчением опустил на ближайший табурет. – Ну и шутки у тебя, Касам... тоже выдумал. Уф, а я уж и вправду ... – он опять хохотнул. – Ты хоть представляешь себе кто такой настоящий северный грайс? Это не то милое создание, которое по вечерам запрыгивает тебе на колени и удирает, если ты на неё прикрикнул. Грайс-это..., – было видно, что Кун сел на любимого конька и готовится прочесть целую лекцию собравшимся.

–Да видел я его, – неожиданно брякнул Детинушка. – И сам посмотри, если хочешь,... они его в хлеву прячут!

–Браво, браво! – знахарь даже заплодировал. – Он конечно в хлеву, а рядом бедняжка анопа...

–Анопа в сарае, в хлеву мул,– сообщил знахарю Касам.

...и Филът, спокойно разгуливающий по скотнику, – не слушая Одноухого, закончил Кун. – И чем же, по-твоему, питаются грайсы? Сенном? Он открыл рот, собираясь вывалить на присутствующих новую порцию сведений о лесных котах, но его прервало появление немого, держащего в руках за хвост какую-то тварь.

–О. гнусь попалась! – обрадованный Касам даже привстал с табурета. – В какую ловушку, ту, что за хлевом или у бочек?

Филът отрицательно покачал головой и жестом пригласил хозяина выйти во двор. Заинтригованный варщик направился за ним, а затем и все остальные, включая ковыляющего коекак Детинушку, вышли к притвору скотника, где Касам уже что-то разглядывал на земле.

–Ай, молодец, ай умница! – Одноухий чуть не приплясывал от радости. У его ног, выложенные в ряд лежали ещё четыре гнуси, и у каждой отсутствовала голова. Однако у той, что продолжал держать Филът, голова была на месте, и Юллин удалось рассмотреть зверька поподробнее.

Нет в южных городах и деревнях напасти страшнее гнуси. Завезённые в далёкие времена из ещё более далёких земель эти грызуны стали настоящим бичом всего приречья. Размером с локоть взрослого мужчины, противного болотно-бурого цвета гнусь отлично обустроивалась рядом с любым жилым строением и начинала заниматься своим любимым делом – жрать, что ни попадя. Острые зубы, торчащие из её пасти во всех мыслимых направлениях, позволяли ей прогрызть любую преграду, стоящую между гнусью и её целью. От полного уничтожения фуража и провианта южан спасали моры, постоянно вспыхивающие среди грызунов. (Кстати, знахарь считал, что гнуси просто пожирали друг друга, когда уничтожали всё остальное). После каждого такого случая все вздыхали с облегчением, в течение нескольких лет гнуси если и появлялись, то небольшими группами и слишком сильно не досаждали.

Как только не боролся Касам с прожорливыми грызунами. Ставил капканы, покупал у заезжих торговцев всяческие яды и сыпал в гнусьи пролазы, но больше одной-двух тварей за седмицу поймать не удавалось. А здесь пять штук за одну ночь! Вот и хвалил Касам грайса, вот и пританцовывал рядом с его добычей.

– А чего они без башки? – поинтересовался запыхавшийся Детинушка, с трудом дотащившийся на скрюченных ногах до скотника.

– Гарлин так охотится... первое, что он поедает – голова добычи, – пояснила эльма, под пристальным и несколько недоумённым взглядом, наконец-то обратившего внимание на новое лицо, Куна.

– А эта чего с башкой? – не унимался Детинушка.

– Видимо больная. Гарлин чувствует такие вещи, – объясняла ему эльма – и...

– И что? – неожиданно вмешался знахарь.

– Просто убивает, – пожала плечами Юллин.

То, как буднично это было сказано, заставило Куна поёжиться, но он тут же справился с собой и задал следующий занимавший его вопрос.

– А Гарлин – это у нас...?

– Ух ты! – второй раз за сегодня знахаря невежливо перебили. Пробравшийся между стоящими Грошик во все глаза смотрел на лежащих гнусей. – Это он, ба... Юллин, это он?

– Он, он... кто ж ещё, – ответил за эльму довольный Касам. – Детинушку в наказание на отлов отправить надо было, да ему видишь несподручно, в пролаз не протиснется... – ирония так и сквозила в словах Одноухого. – Да, совсем забыл... Гарлин твой жрать то их будет? – поинтересовался он у эльмы.

– Ну он же съел головы, – улыбнулась Юллин, – значит и остальное пойдёт в дело. А здесь он их выложил, ...ну как бы сказать... делится он с нами, мол, выбирайте себе, но и меня не забудьте...

– А я, дурак, на ловлю ходил, – засмеялся Грошик, – теперь можно дома сидеть! Гарлин прокормит, ...а готовить он случаем не умеет? А то б мы его на кухню вместо Ракушки... всё, поди, вкуснее состряпает...

Среди общего смеха раздался скрип дверцы хлева и грайс, которому видно надоело ждать, вышел в скотник, немного постоял и направился к ним.

– Держите Детинушку, – завопил Касам, но события развивались очень быстро. Скрюченные ноги верзилы ещё очень плохо слушались своего хозяина. Попятившись назад, он запнулся и приземлился на пятую точку, ударившись спиной о стену кашеварни. Не почувствовав боли он в ужасе смотрел, как страшный кошак приблизился к нему и стал пропихивать свою голову в кольцо его ещё плохо слушающихся рук. Детинушка зажмурил глаза но, неожиданно вспомнив слова эльмы, завопил во всю силу своих лёгких: – Я больной... меня нельзя жрать... – и тут же замолчал, почувствовав, как шершавый кошачий язык лизнул его лицо, уничтожив следы страха, боли и унижения, катящиеся из глаз.

На кухне всю скворчала жарящаяся рыба. Аппетитный запах наполнял кашеварню и заставлял голодного Грошика глотать слюны и ждать пока тётка позовёт к столу. Во дворе был слышен голос бранившегося Детинушки. После нервного потрясения его конечности стали гораздо подвижнее (чему немало удивился знахарь, сказавший, что ждал противоположного результата), и поэтому ему всунули склянку с прилипой, отправив на улицу самостоятельно обрабатывать свои царапины. Сам же Кун сидел за столом напротив эльмы и прихлёбывал крепкий душистый отвар, затравку для которого, он также достал из своей лекарской сумки. Перед Юллин стояла такая же дымящаяся кружка, но она словно забыла про неё, задумчиво постукивая по столешнице пальцами. На самом деле она исподтишка рассматривала своего соседа. Некрасивое, но вместе с тем волевое лицо знахаря привлекало внимание какой-то внутренней силой и, вместе с тем, в глазах Куна явно читалась застарелая боль. Он постоянно лохматил свою короткую, с упорно пробивающейся сединой причёску, что не давало возможности приглядеться к нему более внимательно. К тому же, терзающее знахаря любопытство, заставляло его постоянно ёрзать на табурете, что тоже мешало наблюдениям эльмы. В конце концов, Кун не выдержал и учтиво произнёс:

–Я так понимаю, что барна – новая постоялица? Хотя...

–Хотя очень удивительно, что выродку был предоставлен кров, так что ли? – закончила за него Юллин.

–Ни в коем разе! – замахал руками знахарь. – Я, знаешь ли, широко смотрю на жизнь, и для меня не существует этих предрассудков. В своё время, я сталкивался с твоими...э-э-э... родственниками и меня немало удивляло, как совершённая когда-то глупость, привела к такому...э-э-э... повальному умопомрачению.

–Считаешь это глупостью, знахарь? – эльма смотрела ему прямо в глаза. Её взгляд был таким тяжёлым и пронзительным одновременно, что Кун растерялся и, чтобы скрыть это, уткнулся носом в кружку. Но молчал он недолго:

–А вот грайс? Давно он у тебя?

Эльма кивнула, продолжая смотреть лекарю прямо в глаза.

– Нет, я, конечно, ничего такого не имею в виду, – засуетился Кун, – просто мне интересно, как же ты с ним путешествуешь? Он же ведь не может рядом с тобой бежать по дороге – встречные в обморок попадают...

Последняя фраза развеселила Юллин и помогла сломать барьер между ними. Видя, что знахарю действительно интересно, она ответила:

–Днём он обычно в повозке спит. А ночью охотиться. Дороги-то, в основном лесами идут, вот он в них и орудует. А затем назад-теперь уже я в повозке располагаюсь, а он сторожит.

– И что, никто ни разу даже не проверил, что ты везёшь?

–Почему? Пытались пару раз. Первый раз стражий разъезд привязался, пришлось показать им кое-что. Они и отстали.

–Благоразумно с их стороны, – усмехнулся знахарь, успевший перекинуться парой слов с Касамом и поэтому уже осведомлённый о том, кем на самом деле является новая постоялица. – А второй?

–Ничего интересного. Пара разбойничков решила, что мы с мулом – самая подходящая добыча. Объяснить, что они ошиблись, так и не удалось толком – больно быстро бежали. Особенно тот, за которым Гарлин погнался.

–Догнал? – Куна распирал смех.

Юллин отрицательно покачала головой.

–Я запретила. Они и так, скорее всего на дорогу не выйдут больше. Один точно. Чего ему там без правой руки делать-то?

Кун не нашёлся, что ответить на это. От замешательства его спасло только появление варщика, ввалившегося в едовую.

–Едут к нам,– поднявшееся после подвигов грайса настроение Касама, опять заметно ухудшилось. Он понимал, – очередная встреча с подручными Рыжеблуда вот-вот состоится, но всё же в глубине души теплилась малюсенькая надежда, что после вчерашних событий старший опять отложит решающий разговор. Он стал нелепо суетиться, начал зачем-то протирать столы, вынудив эльму с Куном подняться. Крикнул Араю и велел принести из погреба холодного вина, отругал подвернувшегося под руку Грошика и вообще вёл себя как-то потерянно, толком не осознавая своих действий.

Юллин посмотрела в окно. Сначала она услышала колёсный скрип, а затем в поле её зрения появился небольшой закрытый возок, который тащили две разномастные анопы. Сзади у возка было приделано что-то вроде небольшого ящика для жертвований, вот только взносы эти, вряд ли были добровольными. Правящий анопами Шкипер, натянул вожжи, и животные послушно остановились напротив кашеварного двора. Из возка, бранясь вполголоса, вылез Лохмоть, и тут же подставил плечо под руку того, кто олицетворял власть в этой части Завода. Опираясь на своего подручного, на всеобщее обозрение вылез сам Рыжеблуд. Коротконогий, довольно упитанный, с рыжими волосами, постриженными под «горшок», он вызывал скорее

некую брезгливость, чем уважение и определённую боязнь со стороны местного люда. Но это впечатление было обманчивым. Рыжеблуд железной рукой держал приречников, и, вместе с тем, был неплохим дипломатом. Сочетание этих качеств, позволило ему пережить уже двух Верхних, в своё время владеющих Дальней пристанью и сохранить при этом своё положение.

Опираясь на искусно вырезанную из кости какой-то громадной рыбы трость, поданную ему Лохмотем, немного прихрамывая, Рыжеблуд направился к воротинке, ведущей во двор «Сивоусого Сома». Касам, всё так же суетясь, побежал на крыльцо встречать старшего, по пути указав на один из столов, который следовало накрыть для предстоящей беседы. Широко распахнув входную дверь, он выскочил во двор и устремился навстречу прибывшим, пытаясь изобразить на лице подобие радости. Идущий следом за старшим Лохмоть усмехнулся и неожиданно подмигнул эльме, всё ещё стоящей у распахнутого окна.

–Смотри-ка, вся братия прибыла, – удивлённо протянул знахарь, стоявший сзади Юллин. – Даже *с а м* пожаловал, владыка рек и берегов, чтоб его...

–Что, не по нраву гость? – поинтересовалась Юллин, не поворачиваясь к собеседнику.

– Верно подмечено-не по нраву, – Кун встал так, чтобы видеть лицо эльмы. – Этот, с позволения сказать, местный упырёк, не просто так получил своё прозвище...

–Что он рыжий, я вижу,...эльма пожала плечами. – А остальное?

–Гулена,...да ещё и не брезгует ничем, если хочет добиться чьего-то расположения...

–Обычное поведение самца, – ухмыльнулась Юллин, – можно подумать, что барн знахарь не погуливал, даже если бы был женат...

–Моя жена умерла, – медленно проговорил Кун. – Она была моей помощницей и когда, здесь, в Заводи вспыхнула очередная эпидемия от занесённой беженцами болезни, она заразилась и...

–Прости, – эльма сочувственно посмотрела на знахаря, а затем перевела взгляд куда-то за его плечо – знаю, каково это ...помочь другим и не спасти ближнего...

–Да? – знахарь взглянул на собеседницу и пожал плечами. – Может, ты и действительно понимаешь... Уже немало лет минуло, а я всё живу здесь, будто надеясь на что-то,... Он задумался, потом встряхнул головой и опять уставился в окно.

–Так что насчёт прозвища? – Юллин сменила тему, надеясь отвлечь, знахаря от грустных размышлений.

–Да-да, – попытка явно удалась, Кун оживился и опять был готов посвящать новую постоялицу. – Что касемо Рыжеблуда...приведу один пример...как-то здесь, у Касама, остановился зареченский торговец. Прибыл он надолго, со всей своей семьёй, задумав найти место на здешних торговищах. Поначалу дела его пошли в гору. Но на беду у него была дочь, и она приглянулась Рыжеблуду. Жениться на ней он само собой и не собирался, а вот...э-э-э...завлечь её в свои сети...

–Затащить в койку, проще говоря, – ухмыльнулась эльма попытке Куна избежать неловкости.

–..Ну, да, – знахарь смущённо кашлянул и продолжил:– Так вот, для начала Рыжеблуд негласно запретил покупать у её отца товары, а когда тот обратился к старшему с вопросами, прямым текстом заявил, чего он от его дочери хочет. Купец возмутился и попытался напасть на сластолюбца, само собой этого ждали и ничего у него не вышло. Торговца тут же скрутили, свидетелями старшего выступила вся его братия, и бедолага через пару седмиц уже стоял на невольничьей площадке. Жена купца сошла с ума, а этот рыжий мерзавец пришёл к его дочери, пообещал выкупить отца и отправить их назад в Заречье, если она...э-э-э...ну, того...

– Понятно,– эльма уже не усмехалась, по бокам её рта возникли жёсткие складки, а странно прищуренные глаза не отрывались от фигуры старшего, разговаривающего во дворе с Касамом.

–Он его выкупил,– она не спрашивала, а утверждала.

– Да нет, – горько усмехнулся Кун. – Добившись своего, он продал торговца, а спустя некоторое время и его дочь. Заступиться-то за неё было некому, да и кто поверит отпрыску раба и помешанной... Мать-то её до сих пор бродит по местным торговищам... всё ищет их... – знахарь говорил буднично, и именно это заставляло верить ему.

– Ты про Ивию?

– Да... про неё, – знахарь тяжело вздохнул. – Ты что, знакома с ней?

Эльма отрицательно покачала головой.

– Грошик показал... ещё по дороге сюда...

Её пальцы судорожно сжали подоконник, голова повернулась к лекарю, и Кун увидел перед собой мёртвые глаза убийцы. Ему стало невыносимо страшно, и он понял, что окажись сейчас на его месте Рыжеблуд, для него всё навсегда было бы кончено: эльму вряд ли остановили бы все кодексы всех Охотников Обители. Кун отшатнулся, но Юллин глубоко вздохнула и вздрогнула, словно отгоняя наваждение.

– И что же, им всё так и сошло с рук? – знахарь сперва даже не понял, что эльма продолжает начатый разговор.

– Почему же? – через паузу ответил Кун. – Земляки торговца обратились к Чаголу, но Рыжеблуд вывернул всё дело так, что оказался в нём чуть ли не пострадавшей стороной. Торговец-то действительно ему угрожал. Правда, его подручные всё-таки получили своё. Рыжеблуд сам распустил слух о том, что именно они виноваты в истории с дочерью Ивии, мол, хотели отомстить за хозяина. Чагол не стал вдаваться в подробности, главным для него было не испортить отношений с заезжими купцами и, он обрушился на всю ту мелочь, что крутилась возле старшего. Кого казнили, а кто и до сих пор гниёт в остроге...

– Смотрю, некоторые всё же отвернулись, – эльма кивнула в сторону окна.

– Справедливости ради хочу отметить, что Лохмотя и этого, второго... как его...?

– Шкипер, – подсказала Юллин.

...да-да, Шкипера тогда в Заводе ещё не было, а Детинушка... ну что с него взять, – улыбнулся знахарь. – Его и не расспрашивали, ...да и вряд ли он тогда вообще находился в Троедомье...

– Где?

– В Троедомье... так кличут жилище старшего...

– А почему Троедомье?

– Ну, своё название пристанище Рыжеблуда получило, благодаря его недюжинной коммерческой жилке, – Кун, казалось, знал о старшем всё. – Он в своё время умудрился задарма прикупить строения, прилегающие к его собственному дому с обеих сторон: бывшую кашеварню, хозяин которой отправился в Коррор и пропал там, и заброшенный склад, непонятно кем, когда и, главное, зачем построенный – слишком далеко он от пристани. Буквально за пару лет он перекроил их полностью, объединив со своим старым двором в одно целое. Это не означало, что Рыжеблуд так уж стремился упрочить свой статус – хотя таких больших жилых построек здесь не так много, – уточнил знахарь. – Просто надо было где-то содержать своих приспешников, взятое за долги имущество и скотину, принимать просителей (чем, в основном, и занимается старший), а также важных гостей...

– О чём же его просят? И что за гостей он принимает? – со стороны могло показаться, что Юллин разбирает любопытство, но, если бы на месте лекаря был собеседник *з н а ю щ и й*, он сразу бы сказал, что эльма проводит рекогносцировку будущего объекта.

– Да о многом, – продолжил ничего не подозревающий знахарь. – побыстрее загрузить или выгрузить товары, нанять охрану, если на городских стражей не хватает средств, помочь обустроиться на местных торговищах... да ещё много чего.... А гости? ... Приезжие и местные богатые торговцы и барны, капитаны кораблей... иногда приходят старшие с других пристаней решать какие-то свои дела...

–Что за дела? – спросила Юллин, якобы только для того, чтобы поддержать разговор.

Знахарь виновато развёл руками. – Увы... я не так близко знаю старшего, чтоб быть посвящённым в такие подробности, – Кун огорчённо вздохнул и уставился в окно. Его видимо сильно задевало, что не всё, творящееся в Заводе, было ему известно.

Тем временем во дворе разворачивался нешуточный спор. Горячился в основном Одноухий, указывая то на сломанный шест, то, на глядевшего на него с открытым ртом, Детинушку. Было понятно, чего хочет варщик: поскольку верзила входил в кодлу старшего, причинённый Детинушкой ущерб должен был возместить Рыжеблуд.

Старший с мрачным видом слушал, время от времени вставляя какие-то замечания, из-за которых Касам горячился ещё больше. Наконец Рыжеблуд раздражённо махнул рукой и направился к Детинушке, чей вид косвенно подтверждал сказанное Одноухим.

–Всё что рассказал варщик, правда? – он пристально смотрел на пытающегося подняться подручного.

–Да, – громила усиленно закивал головой.

–Смотри, башка оторвётся от усердия, хотя... – старший опять махнул рукой, – тебе, похоже, всё одно – что с ней, что без неё! И что ты теперь собираешься делать, балбес?

–Лечиться, – Детинушка сунул под нос Рыжеблуду склянку с прилипой. – Вот, барн знахарь дал, мазать велел...

–Ты бы лучше задницу себе намазал, смотрю, свербит у тебя в ней... – с издевкой заметил старший.

–Так я уже, – ирония отскочила от Детинушки, как от стенки и он стал разворачиваться – Сейчас покажу... там уже и подсохло всё...

–Сиди, придурок. И так заметно, – Рыжеблуд улыбнулся. – Я, когда тебя увидел, подумал было, что тебя пытали,... горящие лучины об тебя тушили,... а это ты лечишься у нас.... В голосе старшего явно зазвучало раздражение, но раненный этого не замечал, как и знаков, которые показывал ему за спиной Рыжеблуда Лохмоть.

–Ещё вот одёжка порвалась, – сидящий простодушно сунул под нос старшему свою драгую рубаху, всю в крови и прилипших грязных ошмётках. – Надо новую достать, – Детинушка уже явно распланировал свой сегодняшний день, и никаким Касамам с Рыжеблудами места там не предвиделось.

–Ты что им за спасение пообещал, скотина? – старший навис над так и не сумевшим подняться верзилой.

–Рыбу...много, – ошалело оглядываясь по сторонам, пробормотал Детинушка. Было видно, что он лихорадочно пытается понять, в чём его вина и за что на него так злится старший. Со стороны это казалось смешным: огромный детина, могущий прибить Рыжеблуда одним сильным щелчком, явно боялся его и пытался найти защиту хоть у кого-нибудь. Но никто не смеялся, наоборот, во дворе стало очень тихо, а у Юллин, всё ещё стоявшей за окном, даже в горле запершило от вспыхнувшей к Детинушке жалости. Но тут Рыжеблуд показал, что не зря он так давно носит титул старшего над Дальней пристанью.

–Шкипер, – Рыжеблуд сделал шаг назад. – Бери это чучело и вези домой, оттуда прямиком на Приовражную сторону... На торговнице возмёмшь снеди, всякой – а не только рыбу – и портки с рубахой для... – он указал пальцем на испуганного Детинушку. – А заплатит за всё про всё... – он резко развернулся и уставился на Лохмотя, – ...а заплатишь за всё, ты, Лохмоть! (И не вздумай перечить – Детинушка твой подручный, значит, и отвечаешь за него ты...). Одёжку, Шкипер, отдашь придурку, – он опять указал на Детинушку, – а жратву привезёшь барну Касаму, за спасение дружка... Понятно?

Он ещё не договорил, а Лохмоть с подбежавшим дружкой, уже волокли к возку, старшего оглянувшись на старшего верзилу.

–Здорово он их натаскал, – засмеялась Юллин. – Вон как ножками задрыгали...

Знахарь тоже улыбнулся: – Да уж А всё-таки Рыжеблуд головааа... – протянул он с невольным восхищением в голосе. – Всех наказал... и за вчерашнее в том числе...

–Знаешь, что здесь было вчера? Откуда?

–Грошик просветил... в общих чертах, – Кун опять улыбнулся. – Нет, ты только посмотри: Детинушка, за все свои выкрутасы, сейчас окажется в Троедомье – и будет дрожать, в ожидании выволочки. Лохмоть пострадает в денежном плане – как доверенное лицо, которое не справилось,...а Шкипер, за его вчерашнее дезертирство, поедет на торговщице за продуктами,... что для него страшный позор – за снедью ходят лишь кухарки со слугами, да проезжающие гости, к коим Шкипер вряд ли относится. Но послушаться Рыжеблуда они даже и в мыслях не держат-вот и пошли отбывать свои повинности...

Их разговор был прерван тяжёлыми шагами в коридорчике и постукиванием трости. Рыжеблуд вошёл в едовую с видом хозяина, которому страшно неудобно за своих бестолковых слуг, но который вынужден принимать какие-то меры для прекращения этого безобразия. Хмурое лицо варщика выглядывало из-за плеча старшего, он видимо уже держал в голове будущий нелёгкий разговор. Последним вошёл Лохмоть, отправивший своих приятелей в дорогу.

–Ну, что Касам пора нам перейти к более важным проблемам, чем сломанный шест, – Рыжеблуд остановился у накрытого Араей стола. – Но хотелось бы сделать это с глазу на глаз, – его взгляд скользнул по присутствующим, задержавшись на Юллин.

–Я поем в комнате, – знахарь ловко подхватил поданную Араей порцию рыбы на глиняном блюде, – не впервой...

–Я тоже, – эльма шагнула вслед за Куном.

–Нет-нет, что вы, – замахал руками Рыжеблуд, – постояльцы не должны терпеть неудобства из-за деловой встречи. Одноухий, там, наверху, наверняка есть пустующие помещения, где мы спокойно можем побеседовать. А к вам, дорогие гости, – он даже немного склонил голову, – мы присоединимся немного позже. Возражений нет? – и, не дожидаясь ответа, Рыжеблуд с варщиком стали подниматься по лестнице.

Юллин пожала плечами и уселась за ближайший стол. Знахарь присоединился к ней и они, наконец-то, принялись завтракать. Оставшийся в едовой Лохмоть, даже не пытался навязать им свою компанию, а прислонившись к дверному косяку, ещё и ещё раз прокручивал в голове вчерашние события и ночной разговор с Рыжеблудом.

Вечером, после поспешного отступления со двора кашеварни, они с Крючком долго не решались приблизиться к Троедомью. Сначала они делали вид, что ждут Шкипера с Детинушкой, затем сходили зачем-то к реке, но потом, переглянувшись, направились в сторону дома для «задушевной» беседы, а в том, что она состоится, сомнений у них не было.

Маленькая надежда, что двое отсутствующих приятелей уже давно побывали у старшего и доложили ему о последних событиях, рухнула, как только они увидели стоящую во дворе телегу, что укатила от «Сивоусого Сома» при первом появлении грейса. Ни Шкипер и ни Детинушка повозку бы так не оставили, выпрягли бы аноп и оттащили телегу в угол двора. Значит, они так и не появились, и отдуваться перед старшим предстояло Лохмотю с Крючком, вернее одному Лохмотю, потому что Крючок сразу подскочил к стоящей повозке и занялся делом. Лохмоть немного постоял возле него, прокручивая в голове то, что он будет говорить старшему. В конце концов, хоть они и не справились с порученным делом, принесённые ими вести были гораздо важнее, и, тем не менее, он тяжело вздохнул, прежде чем шагнул в придомную.

Старший сидел в кресле, смотря на Лохмотя, вышагивающего по потаёнке – комнате, в которой Рыжеблуд проводил свои самые важные встречи. Первоначально он хотел дать выволочку доверенному наверху, в большой зале – при всех – чтобы Лохмоть прочувствовал всё недовольство хозяина. Рыжеблуд понял, что поход в кашеварню Касама оказался провальным, сразу после того как увидел в окно прикатившую пустую телегу, и с того времени, занимаясь повседневными делами, он терпеливо ждал своих посланцев с объяснениями. Однако

тех всё не было и у Рыжеблуда стало портиться настроение, так что к приходу доверенного он уже готов был приказать посчитать посланцам рёбра, хотя бы Шкиперу с Крючком, – занять врагами остальных, вряд ли бы кто согласился. Но появившийся Лохмоть сразу кивнул головой в сторону потаёнки дав понять старшему, что случилось нечто из рук вон выходящее и Рыжеблуд, хорошо зная своего доверенного, тут же приказал зажечь ещё одну лампу, вручил её Лохмотю и спустился с ним вниз.

Теперь, выслушав рассказ доверенного, он напряжённо думал. Что-то не укладывалось в его голове, что-то было не так и он, не выдержав, спросил мерящего шагами помещение собеседника:

–Тебе ничего не показалось странным во всём этом?

Лохмоть остановился.

–Показалось... ещё как показалось!

–Так не держи в себе, поделись сомнениями. Вместе – то может и найдём объяснение.

Хорошо, – Лохмоть кивнул и по своей давней привычке стал опять расхаживать по комнате, при этом увлечённо размышляя вслух:

–Ну не укладывается у меня в голове как может выродок быть Охотником? Это, во-первых, ...во-вторых, даже если предположить, что кто-то в столице рехнулся, и сейчас в гильдию набирают всякое отребье, почему она мне открылась? Ведь никому и в голову не могло бы прийти, кто она на самом деле... В-третьих – если она действительно та, за кого себя выдаёт, почему она не остановилась в городе? Её ж вильет пригласил, чего она в Заводь-то припёрлась? Предположим, что её цель здесь, на пристанях... так опять же непонятно, почему поселилась у Одноухого? Дальняя на ладан дышит, большие корабли не пристают, народу мало, что-либо узнать очень трудно, почти невозможно... И этот её кот... Он-то откуда взялся? Это ж не домашняя тварь. Чтоб такую зверюшку рядом держать, надо талант иметь к этому... а у кого он может быть? – Лохмоть остановился прямо перед Рыжеблудом, который следил за ним сквозь полуприкрытые веки. – Правильно, у показушек. Они ж разных зверюг на потеху показывают. А потому и продолжаю я думать, что провёл нас Касам... потихоньку нанял лицедейку, где-нибудь подальше отсюда, а чтоб мы не доставали, выдал за Охотника...

Рыжеблуд поморщился.

–Эк, тебя занесло. Кое-что в твоих словах есть, но все твои рассуждения я разобью..., не вставая с этого кресла. Кто у нас там из бывших показушек, Потешник кажется? Кликни-ка его, – старший посмотрел на пустой стол, – да заодно скажи, чтоб вина подали, новоземельного...

Лохмоть поднялся наверх и вскоре вернулся с распечатанным кувшином вина. За ним спустился Потешник, гоблин с припухшими, вечно бегающими глазами, действительно когда-то бывший показушкой. Он так бы и оставался лицедеем, если бы не был уличён в карманной краже во время выступления. Дальнейшая его участь могла быть очень тяжёлой, но тут вмешался Рыжеблуд. Чем приглянулся старшему субтильный показушка, тогда не понял даже Лохмоть. Однако Рыжеблуд оказался дальновиден: в некоторых делах Потешнику не было равных.

–Потешник, скажи, – Рыжеблуд отхлебнул вина, довольно закатил глаза и кивнул Лохмотю: наливай, мол, и себе. – В твоей прошлой жизни приходилось ли тебе слышать, а может даже и встречать показушек, у которых был бы ручной грайс?

Гоблин шмыгнул носом и уставился на кружку, в которую Лохмоть плеснул немного вина и на его долю.

–Нет-нет...это потом,– Рыжеблуд нетерпеливо заёрзал в кресле. – Ты сначала... – он посмотрел на гоблина и досадливо махнул рукой Лохмотю: – Пусть выпьет, а то толку от него...

Потешник с достоинством принял кружку из рук Лохмотя, посмотрел на всех и выпил, вернее, выцедил, отпущенную ему норму, после чего вернул емкость обратно и хитро улыбнулся:

–Мы, что, решили теперь отловом заняться? Так я скажу... надо быть последним болваном, чтобы взять на показуху грайса, а уж что касается ручного... сколько живу на свете, о таком не слыхал...

–Почему болваном? – поинтересовался Рыжеблуд.

–Убытки одни, – веско проговорил гоблин. – Не живут они в клетке... столько толлей потратишь, пока его тебе поймают и привезут, а он потом посидит за загородкой пару-тройку седмиц, всё вроде в порядке: ест, пьёт, привыкнешь к нему - вот тут и пиши пропало: либо нападёт на кого, либо сбежит. А если не получится, просто жрать перестаёт... ну идохнет с голодухи.

–Ладно, иди, – старший отвернулся от Потешника, показывая, что разговор окончен. Гоблин кивнул и умоляюще посмотрел на Лохмотя.

–Всё... выпил уже, – доверенный подтолкнул Потешника к двери и подождал, пока на лестнице не стихнут шаги, прежде чем продолжить разговор.

–Вот видишь, друг мой, насчёт кота ты ошибся, похоже... как и насчёт того, что Касам подложно выдал эту... за Охотника, – опередил Лохмотя Рыжеблуд. – Это ж надо самоубийцей быть, чтобы такое придумать. Рано или поздно его обман раскрылся бы, и чтоб тогда с ним было? Кашеварню с торгов, самого в невольничьи ряды. И это в лучшем случае! Нет, не такой он дурак, я его всё же поболее твоего знаю...

Отхлебнув из кружки старший продолжил: – В общем, с последним пунктом твоего списка мы, считай, разобрались... Перейдём к началу. Сколько времени прошло с окончания Погибели?

–Не более года, – пожал плечами Лохмоть.

–Вот. Года ещё не прошло, как бывших рабов отлавливать стали. И где, по-твоему, за такое короткое время, регент мог набрать нормальных Охотников? Да и возможности искать рекрутов по всей Обители него не было. Вот и брали всех, кто более-менее подходил по гильдийским требованиям. А эльмы-это вообще идеальный вариант. Сам же сказал, что скрываться от них никому и в голову не придёт, родни у них нет, нет и дома... И, вообще. Представляешь, с каким рвением они будут служить тому, кто даст им шанс забыть своё прошлое жалкое существование?! Их ведь единицы остались, остальных либо гномы с эльфами изничтожили, либо сгноили в рудниках да в острогах...

Старший наклонился к Лохмотю и понизил голос: – И то, что в башне она не остановилась, тоже понятно... мы ж не знаем, по какому поводу вильет её вызвал, может он кого из своего окружения подозревает, вот и не хочет эльмка мелькать в городе раньше времени...

А перед нами, значит, мелькать можно? – недоверчиво спросил Лохмоть.

Именно перед нами и можно, – удовлетворённо кивнул старший, видимо нашедший, наконец, ответ на мучившую его головоломку – Я думаю, что ей это было даже нужно... Сразу видно, Лохмоть, что ты вырос не на реке.

А это-то здесь причём? – Лохмоть стал всерьёз подумывать о том, что старший переусердствовал с вином.

–Да притом, друг мой, что не рыбак ты, – Рыжеблуд довольно хихикнул, наслаждаясь замешательством своего доверенного. – Когда ловят крупную рыбу, на крючок насаживают живца!

–И кто живец? – всё ещё ничего не понимая, спросил Лохмоть.

– Да эльма, придурок, эльма! – Рыжеблуд с раздражением оттолкнул собеседника. – Развела вас как последних, ...думала мы тут совсем тупые... не раскусим их планы...

–Их?

–Ну, конечно! – Рыжеблуд вскочил на ноги. – Не одна она, понимаешь? Ещё как минимум один где-то осел. Смотри сам: эльмка приходит в Заводь, *с а м а* выбирает кашеварню Касама – бесполезное, в общем-то, место, опять же *с а м а* признаётся тебе, что она Вольный Охотник и

заявляет, что будет ждать приезда вильета в «Сивоусом Соме». И что это означает? – Рыжеблуд требовательно посмотрел на Лохмотя и, не дождавшись ответа, продолжил сам: – Под нас они копают, Лохмочь, под нас! Она ж Охотник, погонит сейчас на засаду, где другой сидит, и тут уж они своего не упустят. Сам же знаешь, как деньги к нам плывут...

Лохмочь кивнул. Деньги к ним «плыли» по реке. Контрабанда, переправка в Заречье беглых невольников и просто преступников, да ещё много чего могли найти Вольные Охотники, если вильет решил заняться ими всерьёз. А он, скорее всего, решил и это объясняет всё: и перекопанную дорогу, и сломанный мост и, даже то, что после смены владельца пристани Рыжеблуда оставили на месте. И вот теперь Охотники...

– Я ещё после смерти Чагола насторожился, – старший нагнул к себе Лохмотя и горячо зашептал ему в ухо: – Уж больно вовремя он умер. Только-только эти... Падшие в Заводи стали появляться, искать возможность покинуть незаметно Обитель. И тут, бац, этот старый придурок умудрился элементарно заболеть – и нет его. А Бур... Скажи, ты его видел хоть раз? То-то и оно... Окопал нас со всех сторон, а сам и носа не кажет, выродка вместо себя прислал.

– И что ж теперь делать? – перспектива замаячившего вдаль вильетова острога, заставила Лохмотя зябко поёжиться.

– Убрать... любимыми средствами убрать эльмку отсюда, – Рыжеблуд опять опустился в кресло. – И сделать это нужно как можно быстрее.

– Есть дело?

Рыжеблуд кивнул: – Помнишь братьев Йорро?

– Ещё бы! – улыбнулся Лохмочь. Троица безбашенных братцев-орков была ему хорошо известна. Время от времени они наведывались в Заводь на своём корабле, привозя для продажи кожаные доспехи, которыми славился Коррор. Но эта торговля была далеко не основным их занятием. Большую часть своего промысла они связывали с грабежами в устье Вечной Бели, а проще говоря, были обыкновенными пиратами. Торговлей же они промышляли в те моменты, когда у властей лопалось терпение, и на борьбу с речными головорезами бросались существенные силы. В таких случаях орки быстро меняли название своей фелюги, набивали на торговищах товарами трюм и отправлялись в Обитель или Лоэ, где и пережидали опасность.

С Рыжеблудом у братьев установились довольно прочные связи. Старший закрывал глаза на кое – какие делишки Йорро, сводил их с выгодными покупателями, бывало, что и давал им наводку на корабль с ценным грузом, отправляющийся вниз по течению, за что получал с орков определённую мзду. Случалось, и Рыжеблуду пользоваться их услугами, пряча на корабле братьев тех, кто не мог покинуть Обитель законным путём.

– Давненько их не было. – Лохмочь посмотрел на старшего. – А чего они к нам-то припрутся? Им сейчас от нашей пристани толку нет. Даже товар на Приовражную сторону толком не переправишь.

Верно, – кивнул Рыжеблуд. – Вот только товара у них и не будет. Они уже пол седмицы здесь, всё давно распродали на торговищах у Белой пристани. А к нам они зайдут якобы для мелкого ремонта своей посудыны – они её на сей раз «Шквал» обозвали.

– А на самом деле?

– Груз кой-какой возьмут. Пассажиров на борт примут. Помнишь, месяц назад в Торговой доле драка случилась? Ну, где ещё приказчик помер? – старший вопросительно посмотрел на Лохмотя и, дождавшись утвердительного кивка продолжил: – Так вот, учинили это безобразие хорошие друзья наших братцев. Если бы тот малый не отправился к праотцам, всё бы замяли: взнос бы конечно заплатить пришлось да убытки. А так, сам понимаешь, острогом светит. Пока с шумихой разобрались, пока стражи спохватились, дружки Йорровы прихватили там кое-что, добрались до Заводи и напрямик ко мне... от орков – то они знали к кому обратиться...

– А я ж где был? – перебил старшего Лохмочь. – И почему только сейчас об этом узнаю?

–Ты в тот день со своими обалдуями с перевозчиков налог снимал, а потом... Завертелся я что-то, забыл сказать. Да и мало ли у тебя своих дел, чтобы такой чепухой голову забивать! Проблема – то пустяшная... – ответил Рыжеблуд, не обращая внимания на недовольное лицо доверенного: – Гм, о чём, бишь, я? А....так вот. Через день – самое большее через два – «Шквал» будет здесь. И такой неприятный сюрприз, как Вольный Охотник, ни мне, ни оркам, не нужен. А потому думать надо, Лохмоть, сильно думать, как же нашу опасную гостью отсюда сопроводить. Самое простое, это конечно пристукнуть – и в реку... Но никто ж не знает, где второй Охотник залёг, – размышлял вслух старший: – А вдруг они договорились, кто куда направится?

– Нет, убивать нельзя. За убийство Охотника даже судить не будут. Сразу на небеса... Можно деньгами задавить, – подумав немного, сказал Лохмоть.

Рыжеблуд озадаченно посмотрел в его сторону:

–Ты, что, подкупить ратника хочешь? Головой нигде не ударялся последние дни?

–Да не эльмку, а Одноухого, – терпеливо проговорил Лохмоть. – Он же нам должен, и мы ему долг этот простим...

–А взамен пусть выставляет выродка за дверь, – подхватил Рыжеблуд. Он возбуждённо потёр руки и продолжил: – Таа-к, денег Касама, чтоб эльмке вернуть я дам – не обеднеем... и куда она потом пойдёт, а? – старший захохотал, откинувшись в кресле: – А идти то ей, по сути, и некуда. Мне сегодня рассказали, как новая постоялица Касама у зазывального столбика Блинюка подпортила. Этот злопамятный гадёныш теперь в жизни её в «Рыбное место» не позовёт! Так что придётся эльмке убираться чуть ли не к Белой пристани, если она, конечно, вообще сумеет остаться в Заводи. Не будет же она во всех кашеварнях жетоном своим похвастаться, а о том, что выродка просто так кто-то поселит и думать нечего, это только наш Одноухий кинулся...

–Постой, а если она к тебе как к старшему заявится? Ну после того, как её из «Сома» попрут? – поинтересовался Лохмоть. – Варщик – то ей вторую заповедь сказал...

–Гм, не подумал, – растерянно проговорил Рыжеблуд. Он наклонил голову набок, размышляя, но уже через мгновение произнёс: – А чего её вообще к Касама занесло? Зазывала привёл – так с него пусть и спрашивает. Вымпела-то на гостевом шесте у «Сома» нету, и давно уже, а значит и постояльцев там не ждали. Скажу, что варщик прав, и дело с концом, в этом случае меня любой сход поддержит.

–Значит, на том и порешим? – спросил доверенный, ставя кружку на стол.

–Угу, – старший тоже допил вино. – Завтра с утра съездим в кашеварню, поговорим с Одноухим и к обеду, я думаю, вздохнём свободно... хотя бы на ближайшие дни, а там...

«Тебе похоже безразлично, что будет «там», – неприязненно подумал Лохмоть. – Ты уже всё решил, и не только за себя. Не зря же ты скрыл от меня этих беглецов... отступление, похоже, готовишь хромоногий, а остальных, под топор и рабскую плеть подставить намереваешься, не впервой ведь тебе другими за свои грехи расплачиваться...Ладно... посмотрим...»

Лохмоть так углубился в свои мысли, что старшему пришлось повысить голос.

–Прости, задумался, – виновато улыбнулся Лохмоть.

Вижу, – раздражённо проговорил Рыжеблуд. – О наших делах думал, надеюсь... Я вот, что спросить у тебя хотел... Ты чего лыбиться начал, когда я про Йорро упомянул? Надул их, когда, что ли? Смотри, они ведь припомнят рано или поздно.

–Да нет, опять улыбнулся Лохмоть. – У них, если и есть претензии, то только к Детинушке.

–Это ещё почему? – удивился старший.

–Ну, ты ж орков знаешь, они себя непревзойдёнными воинами считают...

–По справедливости, – отметил Рыжеблуд. – Не зря команды на многих судах наполовину из них состоят. Берут они дорого, но и речные пираты на такие корабли редко нападают.

– Может быть, – пожал плечами доверенный: – Так вот, в прошлое своё посещение Дальней, они на пристани столкнулись с Детинушкой, перед самым отплытием. Йорро, как увидели его, так и стали задирать: такого верзилу на землю свалить – это ж у них сродни подвигу...

– И что? – заинтересованно спросил старший.

– Да, ничего, – усмехнулся Лохмоть. – Детинушка постоял, послушал... а потом перекидал всех троих в реку и пошёл по своим делам. Пока они из воды вылезли, его и след простыл. А бегать за ним по берегу времени у них уже не было.

– Значит, теперь разыскивать будут, – захихикал Рыжеблуд. – Честь свою вониючую отстаивать...

– Вот-вот, придётся Детинушку с их глаз долой. Лишний шум нам ни к чему, я думаю, – тоже засмеялся Лохмоть.

Так, смеясь, они поднялись наверх и отправились по комнатам, обдумывая каждый своё.

Лохмоть и сейчас глубоко задумался. То, что выродку придётся убираться, он не сомневался, варщик и сам будет рад избавиться от такого постояльца. Но вот то, что может случиться потом, заставляло его сомневаться в правильности вчерашнего решения.

«Нет, зря я поддержал старшего, – думал Лохмоть. – Про эльмку мне почти всё понятно, можно просто проследить и узнать, что она будет делать дальше. А теперь неизвестность, темнота впереди. Ничего ведь не узнаю! А до вильета дойдёт? Как-то он ещё к этому отнесётся? И с орками непонятность какая-то, – Лохмоть даже вздрогнул от вспыхнувшей догадки: – Нет никаких беглецов, и груза никакого нет! Рыжеблуд сам в дальние края отчаливать собрался и, похоже, не с пустыми руками! Всё ведь до мелочей продумал, старая сволочь: и Йорро, и груз с беглецами, а как этого... Охотника убрать отсюда на это время, я же сам ему и подсказал, дурак! Кто после Рыжеблуда главный? Я, и спрос соответственно с меня будет. Ну, положим, я выкручусь. А остальные? Даже подкупить дозначиков не получится, хромоногий всё с собой упрёт, с голым пузом оставит. Да нет, уж! Хрен тебе, а не «Шквал»! Если эльмка здесь останется, Йорро вряд ли рискнет с тобой связываться – у самих грехов выше мачты их фелюги. А то, что поблизости Охотник, я уж постараюсь до них довести. И пока Рыжеблуд уговаривать их будет, можно много полезного для себя узнать... Теперь самое главное решить, как повернуть всё это...»

Лохмоть подумал ещё немного и решительно подошёл к сидящим за столом. Юллин и знахарь прекратили вялый разговор и недоуменно посмотрели на него.

– Тише, – приложил палец к губам доверенный и сам невольно прислушался. Сверху не раздавалось ни звука, лишь через открытое окно доносились чертыханья Грошика, помогавшего Фильту заделывать изгородь.

– Что надо? – сдвинув брови, спросила эльма, невольно понизив голос.

– Разговор есть, очень важный...

– Мне уйти? – знахарь стал приподниматься из-за стола.

Лохмоть мгновение поколебался, но потом махнул рукой, – мол, оставайся – и, собравшись с духом, быстро пересказал постояльцам вчерашнюю ночную беседу.

– Вот так..., – закончил он, обращаясь уже непосредственно к Юллин, – придётся тебе либо уходить отсюда, либо помочь Одноухому оплатить его долги... других путей нет. Только решать надо быстро, пока они сюда не спустились.

– И много он должен? – поинтересовался Кун.

– Да тебе-то какое дело? – отмахнулся от него Лохмоть: – Ну, двадцать толлей – по десять за прошлое, и ещё пять – нынешний срок-то тоже уже подошёл, а постояльцев у него теперь двое.

– Двадцать пять толлей?! – невольно ахнул знахарь: – Да где ж их найдёшь и притом быстро? У меня есть, конечно, богатые пациенты в городе, но одолжить такую сумму...

–До них ещё добраться надо! – огрызнулся Лохмоть. – Ну, Охотник, решай скорей, что делать-то?

Доверенный бил наверняка. Даже если эльмка ничего не придумает и ей придётся убираться из кашеварни, она, несомненно, как-то выдаст себя. Ну, а если не получится, что ж, невелика потеря. За Рыжеблудом-то теперь есть кому приглядеть. Сам глаз с него не спустит. Но рисковать всё же не стоило. Неизвестно, что на самом деле у выродка на уме.

–А ты то, что так волнуешься, Лохмоть? – эльма внимательно смотрела в лицо доверенного: – Что, вчерашняя трёпка так понравилась, что ты и жить без этого не сможешь?

–В самую точку попала, – ухмыльнулся Лохмоть, не забывая прислушиваться к звукам сверху. – Я теперь не засну, пока кота твоего не увижу... Давай потом поговорим, а? – уже серьёзно сказал Рыжеблудов подручный. – Нету у нас времени на болтовню.

–Или на правду времени нету? – опять вмешался знахарь. – Может ты, просто хочешь долги варщика за её счёт покрыть?

–Да пошли вы... – Лохмоть раздражённо отмахнулся от сидящих и стал поворачиваться в сторону двери. – А ты... – он остановился, глядя на задумавшуюся Юллин. – Не говори потом, что... – он опять махнул рукой.

–Погоди, – эльма вскочила из-за стола и схватила Лохмотя за плечо: – Всё, что ты рассказал, правда?

–Почти... про кота соврал.

–У меня таких денег сейчас нет, – спокойно проговорила Юллин: – Но может быть в счёт долга Рыжеблуд возьмёт что-нибудь? Драгоценность, например?

–От тебя не возьмёт, это точно. Ты для него как кость в горле. И Касаму ты предложить ничего не сможешь, так как уже заплатила.

–А может я решила здесь подольше остаться?

–Не выйдет. Рыжеблуд не позволит варщику взять у тебя ничего: ни повозку, ни мула, ни даже драгоценность – будь это хоть сама Берегиня!

–Вы абсолютно не обращаете внимания на мою скромную персону, – сказал неожиданно присоединившийся к ним знахарь. – Драгоценность при тебе? – он посмотрел на Юллин.

–Да...

–Давай сюда, – Кун протянул руку. – Я давно не плачу за постой, и не будет ничего удивительного (в том числе и для Рыжеблуда), что наконец-то во мне разыгралась совесть.

Лохмоть тихо и замысловато выругался, с восхищением смотря на лекаря.

–Прекрати, – поморщился Кун: – всё-таки здесь Юллин.

–Кто? – не понял Лохмоть.

–Да я это, я! – эльма лихорадочно пыталась расстегнуть ворот фаниты.

–Вот и познакомились. А то вчера как-то не до этого было, – ухмыльнулся Лохмоть. – Помочь?

–Сейчас добесишь! Дам по мордасам несмотря на всё твоё «большое умение», – в свою очередь усмехнулась эльма, не прекращая своего занятия. – Замучитесь потом всей кодлой зубы тебе собирать!

–Да быстрее же, – произнёс Кун, услышав, как наверху скрипнула дверь.

Эльма наконец справилась с неподвластными пряжками, и закинула руки под косичку, растёгивая что-то на шее. Над их головами уже послышались шаги, перемежаемые с постукиванием трости. – Не успеем, – выдохнул Лохмоть, пятившийся к двери.

–Справимся, – ответил ему знахарь, поглядывая вверх: – Рыжеблуд сейчас последние наставления варщику давать будет.

И действительно, шаги затихли у лестницы, и послышался негромкий голос старшего, что-то вдалбливающего Касаму.

Юллин убрала руки с шеи и пристально посмотрела на знахаря, затем быстро кивнула, как бы в подтверждение собственных мыслей. Зажав что-то в кулаке, она запихнула снятое в подставленный знахарем мешочек и, сжав руками расстёгнутый ворот, опустилась обратно за стол. Кун невозмутимо направился к своему месту, сел, положил кошель на столешницу и принялся доедать остывшую рыбу, как будто ничего и не было. Лохмоть же, потихоньку отступив к распахнутому окну, облокотился на подоконник и сделал вид, что страшно заинтересован происходящим во дворе ремонтом.

Ступени, наконец, закрипели и растерянный Касам спустился вниз. Он помог сойти старшему, а затем повернулся к постояльцам, опустил голову и начал что-то бормотать себе под нос.

Рыжеблуд недовольно поморщился:

– Погромче варщик. Дай и другим порадоваться решению твоих проблем. Да, дорогие мои, Одноухий почти расплатился со мной, вернее с налогами нашего достопочтенного барна Бура. Для окончательного расчёта ему надо только кое-что произнести... Ну, Касам... Не заставляй нас ждать.

Варщик набрал в грудь воздуха, открыл рот, но его опередили.

– Дорогой барн Касам! – знахарь поднялся на ноги и вышел на середину комнаты: – Я хочу кое-что тебе сказать. Все, здесь присутствующие – за исключением, пожалуй, новой постоялицы – знают меня давно. Скоро уже почти два года случится, как я живу у тебя, не ведая никаких забот. Ты меня кормишь, поишь, предоставляешь крышу над головой и я, к своему стыду, стал принимать это как должное. Ведь за всё время я заплатил тебе лишь однажды – это когда я впервые появился на пороге «Сивоусого Сома». Настала пора исправить эту вопиющую несправедливость! Денег, к сожалению, у меня немного, но есть кое-что взамен и, учитывая тяжёлую ситуацию, в которой ты оказался (отнюдь не по своей вине), я думаю, что ты не откажешься принять мой скромный дар.

Кун говорил витиевато, но без запинок, что не давало никому возможности его перебить. Кроме того, хитрый лекарь воспользовался неписанным правилом кашеварни: сначала проблемы постояльца, а потом уж свои. Поэтому даже Рыжеблуд сохранял видимое терпение на лице, делая вид, что он может и подождать со своим вопросом.

А Кун всё говорил и даже Лохмоть забеспокоился: как бы не забыл, увлечённый собственной речью лекарь, о том, ради чего эта речь собственно и произносилась. Привлечённый голосом знахаря, со двора примчался Грошик, думая, что барн Кун опять рассказывает что-то интересное, и лишь только увидев его, лекарь довольно резко оборвал свой монолог и, развязав кошель, вынул находившуюся в нем вещицу, которую и протянул Касаму.

Все находившиеся в едовой дружно уставились на изящный кулон, лежавший на ладони Куна. На золотой цепочке покоился клык какого-то зверя, также инкрустированный золотом. Но самую большую ценность кулону придавал небольшой камень, вделанный в клык, драгоценный радужник, меняющий свой цвет в зависимости от того, где он находился. Сейчас камень как раз переливался из зелёного, каким он стал в темноте лекарского кошеля, в небесно-голубой, свой обычный цвет на свету.

– Ух, ты! – восхищённо произнёс Грошик, протиснувшийся между остальными.

– А в воде он становится красным, – хрипло произнёс Лохмоть, не сводивший с кулона глаз.

– Так. Это всё замечательно, но хотелось бы всё же послушать нашего друга Касама..., – начал было Рыжеблуд, но его довольно невежливо перебили.

– Скажи, сколько это может стоить? – знахарь обратился к Лохмотю, не обращая внимания на потуги старшего.

–Смотря где, – Лохмоть прокашлялся и продолжил: – В Заводи дадут толлей сорок пять-пятьдесят... в Абелине – у знающего купца Торговой доли-от семидесяти и выше, а вот где –нибудь Корроре-в два раза против городской цены...

Рыжеблуд бросил на доверенного свирепый взгляд:

–Да что ты распинаешься? Откуда в этой дыре настоящий радужник? Их в вильетовой казне по счёту, а тут у нашего знахаря в кармане... Старший повернулся к лекарю: -

– Ты прости барн Кун, я тебя обидеть не хочу, но сам подумай. Ну откуда у тебя такое сокровище? Им что, за лечение кто расплатился? Так надо покойника оживить, чтоб получить такое...

–Это принадлежало моей жене. – Кун вздёрнул голову и надменно посмотрел на старшего. Сказано это было так, что Лохмоть сам бы поверил, если бы не знал правды. Пользуясь тем, что Рыжеблуд стоял к нему спиной, он восхищённо помотал головой и подмигнул эльме, безучастно смотревшей на всё происходящее.

–Врёт, врёт! – визгливый голос раздался так неожиданно, что Рыжеблуд выронил свою палку. Подскочив к нему Лохмоть наклонился, чтобы подать трость владельцу и Юллин сумела разглядеть говорившего. Маленькая женщина средних лет, одетая по-дорожному, стояла у выхода с кухни.

–Цыц, Ракушка! – свирепо рявкнул пришедший в себя Касам.

–Не было у него такой вещи! – не обращая внимания на его слова, опять заверещала кухарка, указывая на кулон, продолжавший лежать на ладони знахаря. – Я знаю, это... – она вдруг неожиданно закашлялась. Кашель, перемежающийся с чихом, бил её долго и Рыжеблуд торопливо отодвинулся в сторону, опасаясь вылетавших из её рта капелек слюны.

–Она, что у тебя, больная? – старший брезгливо кивнул в сторону задыхавшейся от кашля Ракушки, обращаясь к варщику.

–Ракушка-то? Да хрен её знает. Раньше вроде не наблюдалось такого. Эй, ты! – Касам посмотрел на кухарку: – Собралась уходить – проваливай. Нечего заразу тут разносить!

–Позвольте, позвольте, – засуетился знахарь, пробираясь к Ракушке, попутно всучив украшение варщику: – Это, похоже, раздражение у неё... и я даже знаю, отчего оно появилось. Кот нашей новой постоялицы постарался: ну запах там, шерсть выпавшая... Пойдём-ка со мной, у меня есть чудесное снадобье – как раз на подобный случай.

–Подожди-ка барн Кун, – вмешался Рыжеблуд, – она сказать что-то нам хотела. Видишь, уже и кашлять перестала...

–Да? – остановился знахарь, уже взявший Ракушку под руку: – Ну, что ж, если барн старший просит...

Рыжеблуд выжидательно посмотрел на маленькую кухарку. Но Ракушка уже успела понять, что кашель случается у неё каждый раз, когда она пытается что-нибудь произнести. Поэтому она лишь отрицательно мотнула головой и первая, опережая Куна, чуть ли не бегом кинулась к лестнице.

–Вот ведь, – огорчённо развёл руками Касам: – Навела напраслину на порядочного человека – и в кусты. Сам подумай, барн старший, откуда ей знать, что было у знахаря, чего не было... Это ж надо в вещах его рыться.

–А если и так? – подал голос Лохмоть: – Может на самом деле копалась?

–Ну, это вряд ли! Ракушка у меня давно работает. Если бы она нос совала в комнаты постояльцев, рано или поздно кто-нибудь да заметил. А за такое, сам знаешь барн Лохмоть, что бывает. Да и видел я эту цацку у знахаря, давно ещё.

–И я видел, – неожиданно влез позабытый всеми Грошник: – Барн знахарь всегда клык на шее носил, вот Ракушка про него и не знала.

Юллин с удивлением посмотрела на Касама, потом на мальчика. При разговоре с Лохмотем их в едовой не было, но каким-то, неясным ещё ей озарением, они прочувствовали ситуацию и сказали именно то, что было необходимо.

– Вот, барн Рыжеблуд. Я вручаю тебе эту вещицу в погашение своих долгов, – Касам протянул кулон старшему.

– Это что же? Получается, я теперь тебе должен, Одноухий? Украшеньце-то подороже твоих повинностей будет, – усмехнулся старший, подкидывая кулон на ладони. – Даже не знаю... – он наморщил лоб, раздумывая.

Все затаили дыхание. От решения Рыжеблуда сейчас зависела дальнейшая судьба не только Юллин, но и того же Лохмотя, фактически предавшего своего хозяина. Если старший заупрямится, значит, ему действительно необходимо выжить эльмку из этой части Заводи и может быть слова о беглецах не пустой звук, а вот если возьмёт, да ещё без проверки тогда... Лохмотю даже думать было противно о том, что «тогда».

– Ну, что ж, друг мой варщик, – сказал Рыжеблуд, доставая из своего кармана небольшой кошелек из дорогой тисненой кожи. – Принимаю я твой кулон и при всех заявляю: Касам, хозяин кашеварни «Сивоусый Сом», больше не является должником ни передо мной, ни перед казной и, – он ещё раз подкинул украшение, – освобождается от двух последующих уплат. Кроме того, за наш счёт будет куплен и установлен новый шест в его дворе. Пойдём, Лохмочь, всё разрешилось, к общему удовольствию, вон и Шкипер приехал, вовремя прям...

Действительно, в окно было видно подкатившую повозку и Шкипера, несущего в дом два больших плетенца. Увидев это Лохмочь скривился: видно не пожалел его подручный чужих денег, отоварился на славу. Шкипер подошёл к возившемуся во дворе Фильту, поставил плетенцы у его ног и заорал что было мочи, тыча пальцем в сторону дома:

– Это вам от барна старшего! Возьмёшь это, – Шкипер сделал жест, будто забрасывал плетенец за спину, – и отнесёшь в кухню. Там жратва, – он энергично заработал рукой у рта, изображая движения ложкой.

– Барн Лохмочь, объясни хоть ты своим придуркам, что Фильт немой, а не глухой и тупой, – поморщился Касам. – Ишь как надрывается, бедолага, аж посинел весь...

– А, – махнул рукой Лохмочь, – им, что говори, что не говори... Сам же сказал – придурки!

– Кого набираешь, с теми и работаешь, – назидательно поднял палец, повеселевший Рыжеблуд. – По ним ведь и о хозяине судят. Вот посмотри Лохмочь, кто у тебя в подручных ходит: Крючок, Детинушка и этот... оратор. Даже специально такую компанию не соберёшь, а эти около тебя прям так и вертятся...

– И что ты хочешь сказать? – набычился Лохмочь.

– Успокойся, друг мой, это я так... шуткую, – улыбнулся старший и направился к выходу. У лестницы он столкнулся с Ракушкой, державшей в одной руке баул с вещами, а другой судорожно прижимая к груди склянку с лекарством, выданную ей Куном. Знахарь спускался следом, продолжая наставлять свою незадачливую пациентку.

– Вот и больная наша, – обрадовался Рыжеблуд. – Как, полегчало тебе? Сказать мне ничего не желаешь?

Ракушка, выпучив глаза, только отрицательно промычала и кинулась в дверной проём, по пути, довольно невежливо, оттолкнув старшего. Тот, невольно пошатнувшись, ухватился за перила, при этом его трость, описав полукруг, задела вертевшегося тут же Грошика, который невольно вскрикнул и схватился за ногу. Знахарь с Касамом бросились к ним. Туда же устремился и Лохмочь, но его резко дёрнули за рукав. Невольно наклонившись, он услышал слова, сказанные быстрым шёпотом: – Если клык пропадёт – голову сверну! Рукав тут же отпустили, и он ошарашенно уставился на эльму, безмятежно смотревшую на него. Юллин подмигнула, и Лохмочь понял, что фраза ему не послышалась, а к угрозе, высказанной с таким спокойствием,

следовало отнестись очень серьёзно. Тем не менее, тряхнув головой, он поспешил к выходу из едовой, где усилиями остальных уже был наведён определённый порядок: Кун осматривал Грошика, отведя того в сторону, а варщик успокаивал разозлённого Рыжеблуда.

– Карга паршивая, недоносок! – старший пыхтел как самовар. – Из-за неё мальчика покалечил... Как он, барн знахарь?

– Ничего страшного, барн старший. Синяк, конечно, пристанет, придётся немного похромать, но мои примочки быстро его восстановят. Будет бегать как раньше, – улыбнулся Кун.

– Хвала всем богам, – Рыжеблуд закатил глаза к потолку, но наткнувшись взглядом на сомовью голову, вздрогнул и заторопился к выходу, махнув рукой Лохмотю. В коридоре им ещё немного пришлось потолкаться с Фильтом, несущим на кухню плетенцы со снедью, но преодолев все препятствия, они наконец-то выбрались из дома. Шкипер уже поджидал их, сидя на облучке возка. Рыжеблуд раздражённо оттолкнул руку доверенного, залез внутрь и пихнул возницу тростью в спину. Возок тронулся и Лохмоть еле успел запрыгнуть на ящик, прикрепленный сзади. По его движениям можно было догадаться, что ездить на этом приспособлении для него не впервой. Немного поёрзав, он устроился поудобнее, и затем, неожиданно даже для себя, взмахнул рукой, прощаясь с обитателями кашеварни, смотревшими на него из окна.

Сговор

– Наконец-то сопроводили, – устало вздохнул Касам, вернувшийся со двора в едовую. – Арая, глянь, что там нам перепало от Рыжеблудовых щедрот, да накрой на скорую руку. Праздновать будем...

– Я уже поела, – Юллин встала с табурета: – Надо Гарлина проведать и...

– А ну сядь назад, – неожиданно рявкнул варщик: – Успеешь на кота своего полюбоваться. Лучше мне объясните, постояльцы мои дорогие, что за представление вы тут устроили? Зачем ты эту вещицу старшему отдала, она ведь, поди, как память у тебя, я не прав?

– Позволь, барн варщик, а с чего ты взял... – начал было лекарь, но тут же заткнулся под свирепым взглядом Касама.

– А с того я взял, барн знахарь, – передразнил Куна хозяин кашеварни, – что у меня только ухо одно, а вот с глазами всё в порядке. Пока вы все – и ты барн Кун в том числе – на украшеньце тарачились, я кое-что другое увидел, а потом уж и об остальном догадался.

– И что ж ты увидел? – невольно улыбаясь, спросила эльма.

– Ворот твой растёгнутый, вот что! – раздавшийся мальчишеский голос заставил всех вздрогнуть.

– А ну-ка иди сюда, – знахарь пошарил под столом и вытащил на всеобщее обозрение Грошика. – Смотрю, нога поджила уже...

– Уши у него давно не болели, – вмешался Касам: – Похоже, покою им нет никакого, дай чужие разговоры подслушать.

Грошик недовольно засопел, но на всякий случай прикрыл уши руками и спрятался за спину лекаря.

– Подожди, барн Касам, – Юллин удержала встающего варщика. – Грошик, а ещё что ты заметил?

– Да то же, что и хозяин, – Грошик немного высунулся из своего укрытия, чтобы видеть эльму. – Барн Кун сказал, что это его кулон, а сам смотрел на него, как будто первый раз видел. И вообще, я с тобой не разговариваю, – неожиданно заявил Грошик и демонстративно устался в стену.

– За что ж такая немилость? – удивился Касам.

– А чего она побрякушку отдала? – обиженно проговорил Грошик. – Она ж Охотник – врезала бы им пару раз по шее или грайса натравила...

Сидящие за столом переглянулись и начали смеяться: так искренне зазывала выразил свои несбывшиеся надежды. На смех из кухни выглянула Арая и, увидев готового вот-вот разреветься племянника, всплеснула руками.

– Опять чего натворил? – тётка огорчённо смотрела на Грошика: – Ну– ка на кухню бегом, дай спокойно поговорить старшим.

– Нет-нет Арая, тут у нас вопрос, требующий немедленного разъяснения, – всё ещё посмеиваясь, проговорил Кун. Развернувшись, он подхватил уже хлюпающего носом мальчугана и усадил на колени эльме: – Вот, успокаивай.

– Маленький ты дурачок, – ласково произнесла Юллин, вороша Грошику волосы. – Охотники машут кулаками и оружием только когда уверены, что перед ними враг. Те, кто был здесь, тоже нехорошие люди, но пока я не выясню, в чём они виноваты, никто не даст мне права давать им по шее и уж тем более натравливать Гарлина. А если бы я это всё-таки сделала, в первую очередь пострадал бы барн Касам, как хозяин кашеварни.

– Но ты же Охотник, – продолжал слабо сопротивляться Грошик, уткнувшись в фаниту эльмы.

– Вот именно поэтому, я должна сто раз подумать, прежде чем поднять на кого-то руку. Я – закон! В самом крайнем его проявлении, понимаешь?

Грошик кивнул, хотя не совсем уразумел сказанное. Но обиды на Юллин у него уже не было. Оказывается, она не испугалась Рыжеблуда, а просто боялась за Одноухого. А значит и за них с тёткой. И он ещё плотнее прижался к вкусно пахнущей коже фаниты, мысленно поклявшись никогда больше не расстраивать Юллин.

– Ну вы тут миритесь, – растерянно крикнул варщик, глядя на эту сцену, – а я пойду, гляну как там у Фильта дела. Арая, чего стоишь? Еда сама собой не приготовится. Барн знахарь ты вроде хотел Грошику примочки наложить, а ты, девонька, на кота взглянуть собиралась. Давайте-давайте, только скоренько, а потом снова соберёмся, за обедом... думаю, есть что обсудить.

– Юллин, а можно с тобой к Гарлину? – Грошик отнял лицо от груди эльмы и умоляюще посмотрел ей в лицо.

– А примочки? – напомнила эльма.

– Честно-причестно, вот сходим, грайса проведем, а потом я всё сделаю, всё-всё, что барн лекарь скажет.

– Тогда и я с вами, – кивнул знахарь: – Любопытно, знаете ли, посмотреть на грайса поближе. Уж больно интересный зверь.

Они разошлись. Касам пошёл на крыльцо, Арая в кухню, а весело болтающая троика к выходу на скотник. Выйдя на задний двор Юллин огляделась.

– Что, утром не насмотрелась? – улыбнулся Кун. – Так Грошик сейчас нам тут всё покажет. Покажешь?

Грошик важно кивнул и, прихрамывая, зашагал по дощатым мосткам, приглашая остальных следовать за ним.

– Ну, перед нами хлев, – начал он. – Тут скотину всякую держат, когда есть, а в пристройке жратва ейная, значит. Это сарай, тут мы всякую всячину складываем, по хозяйству которая. Здесь вот телеги стоят, – он показал на навес, под которым действительно стояли две телеги – большая и малая, и повозка эльмы. Обогнув сарай, Грошик вывел их к странному на вид сооружению: на столбах, высотой со знахаря, находилась площадка с посаженными на ней кустами. Ветви кустов торчали вверх и в стороны, переплетаясь друг с другом, и тянулись к тонким жердинам, прикреплённым к таким же тонким перекладинам. Некоторые же побеги опускались вниз, окутывая столбы настоящим покрывалом из листьев, каждый из которых был шириной с ладонь Юллин.

– А это... – начал, было, Грошик, но эльма его перебила.

–Я знаю, – она как-то по-детски обрадовалась, будто встретила старого знакомого. – Это садик. У нас тоже такой был...

–А вот и нет! – Грошик даже в ладоши захлопал от избытка чувств. – Это винник. Помнишь, ты говорила, что тебе вино у барна Касама нравится? Вот здесь он его и делает.

–Там, наверху, кусты липкой цатры, – вмешался Кун. – Её ягоды собирают, замачивают, ждут, пока они набухнут и ссыплют в бочонки. В каждый наливают немного забродки (её варщик делает сам, а из чего – великий секрет). После этого бочонки плотно закрывают, закапывают в землю и через пару месяцев вино уже можно пить. Не трогай! – вскрикнул он, увидев, что Юллин протянула руку к листочку. – Этот кустик не зря зовётся липким. Приклеиться и всё, будешь ножом с ладони срезать. Так цатра защищается от внешних врагов, типа гнуса. Знаешь, как визжат, когда в объятья этих милых с виду листочков попадают? Ужас просто! Начинают себя грызть, чтоб освободиться. Но раз в полгода листья осыпаются. Вот тогда-то варщик урожай и собирает. Да и мне работёнка находится-из опавших листьев я делаю прилипу, которой Детинушка царапины смазывал. Так что грайсу твоему надо поосторожней быть, заденет ещё ненароком...

–Думаю, он уже сам всё понял, – рассмеялась эльма.

–Вот как?

Эльма только кивнула и опять засмеялась. Смех очень шёл ей, но Кун отметил, что радоваться Юллин, видимо приходится нечасто, и сейчас она наслаждалась каждым моментом какой-то внутренней свободы.

–Конечно, понял. Он, барн знахарь, знаешь какой умный! – Грошик готов был грудью встать на защиту зверя. – Вчера Юллин сказала рыжеблудовых не трогать, так он утром нынче Детинушку даже не поцарапал, вот как. А гнусей он сколько подавил? Скоро всех переведёт!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.